

Лекция № 5

Творчество и произведения крупнейших русских писателей первой половины XIX века, вошедшие в круг чтения школьников. Поэзия.

План

2. Поэзия. Обогащение детского чтения поэтическими произведениями русских классиков: В.А. Жуковского, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, П.П. Ершова.

2. Поэзия. Обогащение детского чтения поэтическими произведениями русских классиков. Баллада, поэма, былина, песня в стиле стихотворных сказок. Привлекательность поэзии В.А. Жуковского. Пародия и стилизация. Конкретность образов, романтичность сюжетов, эмоциональность. Тематическое богатство басен И.А. Крылова. Стихотворные сказки А. Пушкина, П. Ершова. Образы детей в творчестве М.Ю. Лермонтова. Сказка «Ашик-Кериб».

В первой четверти XIX века значительное развитие получает поэзия, которая была неоднородна по художественному уровню, идейному содержанию и литературному направлению. В круг чтения детей широким потоком входила большая поэзия тех лет.

Кумиром людей старшего поколения продолжал оставаться Г. Р. Державин (он умер в 1816 г.). Читатели среднего поколения не переставали увлекаться Н.М. Карамзиным и его последователями. Всеобщим вниманием пользовались В. А. Жуковский и И.А. Крылов.

В начале 20-х годов властителями дум молодежи становятся поэты-декабристы во главе с К. Ф. Рылеевым, А. С. Пушкин и поэты его круга. Их произведения входили в круг детского чтения и оказывали влияние на детскую литературу.

Были, однако, и поэты, которые писали специально для детей. К числу таких следует отнести известных литературных деятелей А. С. Шишкова и А. Ф. Мерзлякова.

Детские стихи А. С. Шишкова (1754—1841). Крупный государственный деятель, адмирал Александр Семенович Шишков занимал ряд высших должностей: был президентом Российской Академии наук, министром народного просвещения, главой цензурного ведомства. Лицеист А. С. Пушкин едко высмеял его в известной эпиграмме «Угрюмых тройка есть певцов». Вместе с Г. Р. Державиным А. С. Шишков возглавил литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811—1816), члены которого придерживались консервативных взглядов в вопросах развития литературного языка, выступали в поддержку классицизма, против языковых реформ, проводимых сторонниками Н. М. Карамзина. Но по своим взглядам они были неоднородны. Наряду с архаистом Шишковым в общество входили И. А. Крылов, широко пользовавшийся народным языком, а также писатели декабристского направления А. С. Грибоедов, П. И. Катенин, В. Ф. Раевский и другие.

«Беседе» противостояло литературное общество «**Арзамас**», члены которого выступали в поддержку языковых реформ Н. М. Карамзина и шли дальше — ратовали за широкое использование живого русского народного языка. В «Арзамас» входили В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, А. С. Пушкин, Е. Баратынский, П. А. Вяземский и другие. Они постоянно критиковали членов «Беседы» с их архаическими взглядами и обветшалыми канонами.

Отсюда и упомянутая выше эпиграмма А. С. Пушкина, написанная в 1815 г.:

Угрюмых тройка есть певцов —

Шихматов, Шаховской, Шишков.

Уму есть тройка супостатов —

Шишков наш, Шаховской, Шихматов.

Но кто глупей из тройки злой?

Шишков, Шихматов, Шаховской?

Как и Шишков, А. А. Шаховской и С. А. Ширинский-Шихматов входили в «Беседу». Шаховской был известным драматургом. Ширинский-Шихматов тяжелым слогом, с церковнославянизмами писал многословные поэмы о Петре I, Минине, Пожарском, стихи, послания, вызывавшие смех не только у членов «Арзамаса».

Вместе с тем А. С. Шишков всерьез занимался и детской литературой, так как видел большую ее роль в воспитании молодого поколения. Как причастный к просвещению, он чувствовал возрастные особенности детей, умел учитывать их в своих произведениях. Для

детей писал повести, стихи, сказки, басни, делал переводы.

Так, в 1787—1789 гг. он издал в трех частях переведенные им произведения немецкого детского писателя Кампе под названием «**Детская библиотека**», которая была еще дважды переиздана в XVIII веке и несколько раз в XIX (вплоть до 1847 г.). В 1816 г. выпустил «**Собрание детских повестей**», а в 1818 г. — «**Собрание сочинений и переводов**».

Но наибольший интерес представляли стихи Шишкова, в которых рисовалась природа, мир детских забав и утех, рассказывалось об играх и развлечениях. Они полны движения, бодрости, задора, неподдельного детского веселья, радости бытия. Звучность и ритмическая стройность его стихотворений импонирует природе маленьких читателей.

В стихотворениях А. С. Шишкова ребенок нередко показан в активном взаимодействии с природой, в непосредственном общении с нею. Таковы его стихи «Николашина похвала зимним утехам»:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою, холодненько,
Но и в стуже
Мне не хуже:
В зимний холод
Всякий молод,
Все игривы,
Все шутливы.

В таком же бодром и веселом тоне рассказывается о народных игрищах с масками, где «плутишкам там и нравно, где забавно». Сказки, песни, пляски, смех, игра в снежки, в лошадки, катанье на коньках — так забавляются дети зимой и берутся «от ученья за веселье, от веселья за ученье»; зимой, так же как и весной, они «вкушают радость многу».

Поэт тонко уловил и метко передал ритмически стройными стихами мир детских увлечений. Понятно, что его интересовал быт детей аристократической среды, кому и адресовал свои стихи. Идеалом Шишкова является послушный, смирный, спокойный и тихий ребенок.

Характерной для Шишкова является задорная «Песенка на купанье» в форме монолога самого ребенка:

По самые груди
Иду в глубину.
Эй, добрые люди,
Прощайте: нырну.
Какое приволье
Купаться в реке!
Раздолье, разволье
В таком холодке!

Лучшие стихи Шишкова пользовались большой популярностью и помещались во многих детских книгах.

Детские стихи А. Ф. Мерзлякова. Живой интерес к детской литературе проявлял крупнейший ученый того времени, знаменитый профессор Московского университета Александр Федорович Мерзляков (1778—1830), автор популярной песни «**Среди долины ровныя**», которая стала народной, и двухтомного «**Краткого начертания теории изящной словесности**» (1822).

По своим взглядам Мерзляков примыкал к прогрессивному лагерю. В его стихотворениях для детей — «**Хор детей маленькой Наташе**», «**От Аннушки — маменьке при подарке альбома**», дети показаны в семейном кругу, во взаимоотношениях с родителями и сверстниками. В стихотворении «**Утро**» несколько в сентиментальном духе описывается природа:

Как прекрасно все созданье,
Как все весело вокруг,
В разноцветном одеяньи
Улыбается нам луг.

Будто бисером красуясь,
Роща светится росой,
Будто гладкий шелк, волнуясь,
Нива движется рекой.

Отличительной особенностью поэзии А. Ф. Мерзлякова для детей является ее тесная связь с русским народным творчеством. Так, в его стихах мы встречаем характерные для народной поэзии обороты и формы типа «ручеек», «бережок», «ветерок» и др., ритмику и напевность народных песен.

«Хор детей маленькой Наташе», в котором выведены отрицательные и положительные герои, завершается как народная сказка:

Что ни в сказке сказать,
Ни пером не описать.

Однако о народности детских стихотворений Мерзлякова можно говорить с натяжкой.

В. А. Жуковский (1783-1852). Из русских писателей первой четверти XIX века наибольший вклад в детскую поэзию внес Василий Андреевич Жуковский, хотя многие его произведения для юных читателей были созданы позднее, в 30—40-е годы.

Жизнь и творчество. В.А. Жуковский является крупнейшим представителем романтизма. Тонкий лирик, блестящий мастер увлекательных, напряженных сюжетов, он умел передать малейшие движения зыбкой души, оттенки красок, владел богатствами русского языка и звуковой инструментальной стиха. В то же время своей поэзией он звал в мир грез и минувших эпох, полных таинственных событий и причудливых легенд.

Наряду с лирикой важнейшее место в его творчестве занимают остросюжетные баллады. Большим успехом пользуются его вольные переводы и переложения выдающихся западноевропейских поэтов. В 1815 г. выходит первый сборник его произведений, восторженно встреченный читающей публикой, особенно молодежью. Через девять лет его сочинения издаются в трех томах, после чего современники стали считать его «образцом всех новейших поэтов».

Всю свою сознательную жизнь выдающийся поэт занимался воспитанием и обучением детей, поэтому любил, понимал и знал их. В 1817 г. он был приглашен в царскую семью, где преподавал русский язык детям, воспитывал наследника престола, будущего царя Александра II, а позднее - его детей. Занимаясь педагогической деятельностью в течение 24 лет, поэт внимательно изучал педагогические теории, периодически представлял докладные записки о принципах воспитания, составлял планы и программы для занятий.

Мягкий и гуманный по натуре, всесторонне образованный и талантливый, поэт пользовался уважением и влиянием в царской семье, но, рискуя своим положением, часто заступался перед императорами за поэтов и художников. Его усилиями был освобожден из крепостной неволи Тарас Шевченко. Не раз он заступался за Пушкина, помогал Н. В. Гоголю и П. П. Ершову; благодаря его хлопотам были опубликованы некоторые произведения М. Ю. Лермонтова.

Выйдя на пенсию в 1840 г., Жуковский в 58-летнем возрасте женился на 19-летней дочери своего друга, поселился в Германии, где и умер в 1852 г. В последние годы жизни много писал для юных читателей, усердно занимался воспитанием своих детей; составил для них учебные пособия, создал оригинальную методику первоначального обучения, о которой писал: «По той методе, которую я себе составил, мое милое дитя учится не только прилежно, но и весело». Для них же издал небольшой сборник «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским».

Педагогические взгляды В. А. Жуковского. Многолетняя педагогическая практика дала возможность Жуковскому выработать свои педагогические взгляды. В статье «Что такое воспитание?» он писал: «Цель воспитания есть та же, как и цель жизни человеческой».

Жуковский придавал огромное значение воспитанию в самом раннем возрасте и считал: «Каков в колыбельке, таков и в могилке». В этом отношении его мысли совпадали со взглядами С. Полоцкого, Кариона Истомина и русских просветителей XVIII века. В вопросах педагогики он стоял за тесную связь теории с практикой и говорил, что «теория без практики — Прокрустова кровать, практика без теории — корабль без руля».

Воспитание, по его мнению, должно формировать человека и гражданина. Под формированием человека он понимал заботу о здоровье и физическом развитии, а под формированием гражданина - образование, воспитание гражданских чувств и самостоятельности, а также нравственное и эстетическое воспитание. Причем образование «необходимо для человека во всяком состоянии» — и для аристократов, и для простого народа. «Мы имеем Академию наук и художеств, почему же мы не можем иметь академию для просвещения простолюдинов», — писал он в «рецензии на книгу «Училище для бедных».

Для «простолюдинов» он предлагал «не учености», а ограниченное первоначальное образование, «приличное их жребию», которое способно помочь им более успешно заниматься своим ремеслом, быть довольными жизнью в том самом кругу, в котором они «помещены судьбою». Хотя взгляды поэта на просвещение народа ограничены классовыми предрассудками, для того времени они имели передовой характер.

В.А. Жуковский о детской литературе. Будучи тесно связанным с детьми и занимаясь их воспитанием, В. А. Жуковский не мог не задуматься над вопросами детской литературы. В целом он отрицательно оценивал современную ему детскую литературу, выделяя из нее только некоторые явления.

Большое внимание обращал Жуковский на содержание книг для детского чтения и считал, что они должны заставлять ребенка думать. «Пусть лучше ребенок немного не поймет, чем давать ему все пережеванным. Говоря с ребенком, надо не все ему сказывать и объяснять, иначе ум его делается ленивым», — писал он. Язык детских книг, считал он, должен быть простым, ясным и понятным, но немногословным, «надобно найти середину между сухостью и болтовней». Особенно осуждал тех писателей и педагогов, которые приседают, заискивают перед детьми. Язык детской книги должен быть естественным, литературным.

Детская книга, по мнению Жуковского, должна оказывать влияние на нравственное воспитание, возбуждать душевные силы, развивать фантазию, для чего он рекомендовал сказки. «Я полагаю, — писал он, — что сказка для детей должна быть чисто сказкою, без всякой другой цели, кроме приятного, непорочного занятия фантазии...»

Литература должна вызывать положительные эмоции, оставлять в душе светлые чувства. «Надобно, чтобы в детской сказке... все было нравственно чисто, чтобы она своими сценами представляла воображению одни светлые образы, чтобы эти образы никакого дурного, не нравственного впечатления после себя не оставляли». Литературное произведение должно воздействовать не столько на рассудок, сколько на чувства. Для этого оно должно быть художественно ярким, пропитано чувствами и эмоциями.

Литература для детей, по словам Жуковского, должна быть «занятием чисто приятным и образовательным, и ее польза будет в ее привлекательности, а не в тех нравственных правилах, которые только останутся в памяти, но редко доходят до сердца». Иначе говоря, только по-настоящему художественное произведение может воспитывать. Подобные мысли Жуковского о детской литературе, являющиеся связующим звеном между XVIII и XIX столетиями, подготовили почву для деятельности В. Г. Белинского.

Поэзия В.А. Жуковского для детей. Специально для детей В. А. Жуковский написал более 20 произведений. Основное место среди них занимают стихотворные сказки, созданные на народные сюжеты. В одном из писем из-за границы он писал: «Мне хочется собрать несколько сказок, больших и малых, народных, но не одних русских, чтобы после их выдать, посвятив... детям». Вместе с этим письмом он прислал «Сказку об Иване-царевиче и Сером волке».

К жанру сказки поэт обращался дважды. Первый раз это было летом 1831 г., в Царском Селе, когда на даче там жил и Пушкин. Частые встречи и теплые беседы вдохновляли поэтов и вызвали между ними поэтическое состязание. А. С. Пушкин в то лето написал «Сказку о царе Салтане», В. А. Жуковский — «Сказку о царе Берендее», «Спящую царевну» и «Войну мышей и лягушек».

«Сказка о царе Берендее» (1831). Название своей первой сказке поэт дал в духе древнерусских заглавий: «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Коцея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери». Написана она между 2 августа—1 сентября 1831 г.

Н. В. Гоголь, который наблюдал творческое состязание поэтов и был первым читателем их сказок, с радостью отмечал перемену в творчестве Жуковского. «Чудное дело! — восклицал он.— Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт и уже чисто русский: ничего германского и прежнего».

В основе «Сказки о царе Берендее» лежит русский народный сюжет, который записал Пушкин в 1824—1825 гг. в селе Михайловском, а потом подарил своему старшему другу. Сюжет этот довольно распространен, встречается во многих записях фольклористов, а также в творчестве других народов.

Царь Берендей уже три года женат, но не имел детей. Отправившись «осматривать свое государство», при возвращении домой был схвачен чудовищем, который потребовал то, чего он имеет, но о чем не знает. Дома он узнал, что у него родился сын. Царевич, когда подрос, явился в царство Кощея, где с помощью влюбленной в него царской дочери царевны Марьи выполнил труднейшие задания и вместе с ней убежал от Кощея, преодолев на пути все препятствия.

Жуковский сохранил народный сюжет. Он широко пользовался народным языком, характерными для него словами и оборотами, типичными сказочными выражениями («до колен борода», «студеная вода», «авось», «ан нет», «рос не по дням — по часам», «ни в сказке сказать, ни пером не описать», «двух смертей не бывать — одной не миновать», «я там был, мед и пиво пил» и т. п.). В то же время поэт отказался от некоторых приемов народной сказки — например, избежал повторов, заменив их словами: «Он рассказал о том, что видел и слышал».

Исходя из эстетики романтизма и из своих взглядов на детскую литературу, Жуковский стремился облагородить сказку, пропитать ее светлыми чувствами. Герои его сказок гуманны и крайне деликатны. Даже в царстве злого Кощея его придворные «под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво». Даже угроза самого Кощея казнить царевича, если тот не выполнит очень трудное задание, облечена в мягкую форму.

Поэту удалось создать образ благородного, смелого и великодушного царевича, покорного судьбе, но с чувством собственного достоинства. Так, получив третье задание «сшить пару сапог с оторочкой», он отвечает: «Разве я какой сапожник! Я царский сын! Шить сапогов я не стану!»

В рассказе о сказочных событиях много примет из реальной жизни. Подробно описана придворная обстановка, аксессуары царского быта, точно рисуются события, звуки и запахи. Все это создает зримые картины реального быта. Особенно удались ему пейзажные зарисовки, придворный церемониал.

Плавные гекзаметры (шестистопный дактиль) напоминают ритмическую прозу, помогают нарисовать зримые картины:

Все уже сидят за столом и пируют. Услужливо повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самим Иваном-царевичем...

Занимательный сюжет, сказочные события, яркие детали, разнообразные краски и звуки, живописные картины природы, спокойный тон повествования, ощущение радости и счастья, язык, лишенный непонятных слов,— все привлекает ребенка. Поэт достиг поставленной цели — создать приятное во всех отношениях произведение.

«Спящая царевна». В 1826 г. В. А. Жуковский перевел на русский язык сказку братьев Гримм «Царевна-шиповник» и под названием «Колючая роза» опубликовал ее в журнале «Детский собеседник» (1826, 2).

Сказка «Спящая царевна», написанная в период между 26 августа и 12 сентября 1831 г., создана на основе переведенной им сказки братьев Гримм. По прошествии пяти лет поэтическое мастерство Жуковского достигло новых высот. Сказка эта не менее народна, чем предыдущая, хотя здесь меньше фольклорных элементов. Но народность ее лежит не на поверхности и выражается не внешними атрибутами, пословицами и поговорками (хотя их здесь немало), а отражается во всем строе произведения. Иностранный сюжет поэт обогатил деталями русского быта: именами, событиями, картинами природы. Но Жуковский и здесь остается самим собой. Он обходит простонародные понятия и выражения, делает сказку изящной, красивой, литературной, хотя сохраняет отдельные слова и выражения, взятые из фольклора:

Что ни в сказке рассказать,
 Ни пером не описать.
 Расцвела, как майский цвет.
 Свадьба, пир, и я там был
 И вино на свадьбе пил;
 По усам вино бежало,
 В рот ни капли не попало.
 В описании картины спящего царства поэт доходит до осязаемой рельефности:
 Неподвижно по стенам
 И огонь, объятый сном,
 Мухи сонные сидят;
 Не пылает, не горит,
 У ворот собаки спят.
 Сонным пламенем стоит;
 Повар спит перед огнем;
 И не тронется над ним,
 Свившись клубом, сонный дым.
 А вот как описана спящая царевна:
 На воздушный тонкий стан
 На трепещущих грудях;
 Брошен легкий сарафан;
 Словно в легких сапожках
 Губки алые горят
 Ножки — чудо, красотой
 Руки белые лежат.

Наряду с занимательным сюжетом сказка увлекает читателей звучными, плавными стихами, яркими картинками, изящным легким литературным языком. Сказки В. А. Жуковского до сих пор не утратили своего эстетического значения и по-прежнему увлекают юных читателей.

«Война мышей и лягушек». Третье произведение, созданное поэтом летом 1831 г., было вольным переложением древнегреческой поэмы «Батрахомиомахия» Пигрета Карийского, которая в Древней Руси приписывалась Гомеру, а фактически является пародией на его эпические поэмы. Задолго до этого, в 1700 г., она была издана для русских детей под названием «Брань мышей и жаб».

По совету Пушкина на основе ее сюжета Жуковский создал сатирическую сказку, в которой хотел высмеять литературные распри своего времени. Детям недоступен скрытый смысл произведения, в котором высмеиваются литературные противники поэтов с их интригами, мелкой возней и сплетнями. Но юные читатели воспринимают ее как смешную сказку. Жуковский работал над этим произведением с 24 августа по 22 сентября 1831 г., но не закончил ее. Переведенный им отрывок опубликован в 1832 г.

Второй период творчества В.А. Жуковского для детей падает на 40-е годы XIX века, когда стали подрастать его дети. В эти годы он написал повести в стихах «Капитан Бопп» (1843) и «Матео Фальконе» (1843), «Сказку об Иване-царевиче и Сером волке (1845), «Кот в сапогах» (1845), «Тюльпанное дерево» (1845), «Повесть об Иосифе Прекрасном» (1845) и другие произведения. Среди них «Овсяной кисель», «Ундина» (1833—1836), «Наль и Дамайнти» (1837), «Рустам и Зораб» (1846—1847); собирался в переработке для детей и юношества издать «Одиссею», написал несколько учебных пособий.

«Сказка об Иване-царевиче и Сером волке». В основу положена русская народная «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером волке», вошедшая позднее в сборник Афанасьева. Однако поэт мало придерживался источника. По поводу работы над ней он писал: «Мне хотелось в одну сказку впрятать многое характеристическое, рассеянное в разных русских народных сказках». И в самом деле, поэт использовал мотивы и эпизоды из многих русских народных сказок. В результате сказка стала несколько растянутой, так как поэт добавлял новые

эпизоды и выбрасывал важнейшие куски из оригинала, стремясь сгладить социальную остроту источника.

В царском саду начали пропадать золотые яблоки. Из трех братьев-царевичей только младшему удалось увидеть вора — Жар-птицу и вырвать из ее хвоста перо. Но дальше Жуковский по-своему изложил народный сюжет, пропуская важные звенья из него. В народной сказке, например, говорится, что старшие братья «начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича» за его удачу и поэтому сразу поехали искать эту Жар-птицу. Младшего же отец не отпустил потому, что на случай его смерти престол останется не занятым и «тогда может сделаться бунт или несогласие между нашими народами, а унять бунт некому». Но в переложении Жуковского этих важных деталей нет. Так в продолжение всего сюжета опускаются социально острые моменты и вместо них появляются сцены и детали, придающие образу царя и его придворным более привлекательные, гуманные, рыцарски благородные черты.

Народная сказка начинается как обычно: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь по имени Выслав Андронович», т. е. царь пока никак не характеризуется. Не таким он выглядит у Жуковского:

Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян
Данилович. Он царствовал премудро.

Таким образом, социальная острота народной сказки снижается, а образ царя облагораживается. Хотя по своему объему народная сказка в три раза меньше сказки Жуковского, но ее идейное содержание значительно глубже.

Сказка Жуковского издается до сих пор, так как она чарует детей фантастикой, восхищает подвигами благородных и смелых людей, поэтическими картинками, блестящим литературным языком.

Жуковский старается приблизить сказку к юным читателям и, исходя из тех принципов, которыми он руководствовался при создании произведений для детей, сделать героев приятными и привлекательными. Так, во дворце Серый волк играл с детьми,

...сам, как дитя, резвился с ними,
Меньшим рассказывал нередко сказки,
А старших выучил читать, писать
И арифметике. И им давал
Полезные для сердца наставления.

Подобные строки адресовал поэт, очевидно, своим детям, для которых предназначал в ту пору свои произведения. В его творчестве последних лет выдвигаются на первый план религиозные мотивы, смешанные с элементами мистики, которые нашли отражение в целом ряде произведений.

«Капитан Бопп» и другие произведения для детей. Такова небольшая стихотворная повесть «Капитан Бопп». Отсылая ее на родину для публикации, Жуковский писал: «Содержание этой повести мне весьма по сердцу. Я назначаю ее для детей. Свежему молодому сердцу такого рода впечатления могут быть благотворны».

На корабле умирал всеми нелюбимый за жестокость капитан Бопп. Никто не хотел подать ему даже воды, чтобы облегчить его страдания. К нему явился только мальчик Роберт, который служил ему и читал Евангелие, в результате чего сердце капитана смягчилось и он умер спокойно, умиротворенно:

Глаза закрыты, щеки бледны, вид
Спокоен, руки сжаты на молитву.

Такими же идеями пропитано другое его произведение для детей - «Тюльпанное дерево», сказка о злой мачехе и падчерице; «Повесть об Иосифе Прекрасном» — переложение на стихи библейской легенды; «Матео Фальконе» — стихотворное переложение сюжета известной новеллы Проспера Мериме, в котором главным героем является мальчик, по неведению совершивший предательство, за что был убит своим отцом.

Стихи и маленькие сказки В. А. Жуковского. Три небольших стихотворения «Птичка», «Котик и козлик», «Жаворонок», написанные для малышей, отличаются теплотой,

нежностью, изысканной поэтичностью, конкретными образами. Они доступны детям, пронизаны тонкими чувствами. Птичка летала, пела, играла. Теперь ее нет, так как улетела в дальний край («Птичка»). По саду бродит котик усатый, а за ним — ходит козлик рогатый и трясет седую бородою («Котик и козлик»). В стихотворении «Жаворонок» описан приход ранней весны:

На солнце темный лес зардел,
В лазури жаворонок звонкий.
В долине пар белеет тонкий,
Здесь так легко мне, так радушно,
И песню раннюю запел
Так беспредельно, так воздушно.

В небольшой сказочке «**Мальчик с пальчик**» Жуковский отказался от народной основы сюжета, в котором мальчик о пальчик не раз обманывает глупого барина. Вместо сатирической народной сказки получился романтический сюжет с тонкими, акварельными рисунками, выполненными нежными тонами. По форме это блестящий пример классического стиха. Пожалуй, нет другого произведения Жуковского, которое было бы столь же музыкально, как эта сказка:

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазенки,
Как пух волосенки.

Мальчик этот показан в общении с романтически прекрасной, почти неземной природой, в играх и развлечениях со светлячками, эльфами, золотыми цикадами, пчелками, мотыльками и т. п. Все это прекрасно, но в то же время нет другого такого произведения у Жуковского, которое было бы так далеко от своей народной основы.

Из всех произведений Жуковского В. Г. Белинский больше всего рекомендовал маленьким детям его стихотворную сказку «Овсяной кисель» (1816): «Эту наивную, дышащую младенческою поэзией пьесу..., так превосходно переведенную». В ней рассказывается о том, как овсяной кисель пришел к детям на стол: как был просеян, выращен, убран с поля, обмолочен и размолот на мельнице овес. Подобные создания мы теперь называем научно-художественными сказками. Но такие жанровые рамки узки для настоящего произведения. Рассказ Жуковского поэтичен, пропитан теплыми чувствами, нежным отношением к детям, обогащен рассуждениями о жизни. Он вызывает чувство радости от причастности к труду. Сообщая о своей работе над переводом этого произведения, Жуковский писал: «Я ничего лучшего не знаю. Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности». «Овсяной кисель» до сих пор может служить образцом того, как научно-художественное произведение, помимо познавательного материала, может быть обогащено глубокими идеями, нравственностью, иметь эстетические цели.

В круг детского чтения вошли и многие другие произведения Жуковского, и прежде всего его **баллады**. Начиная с момента их первого появления в печати, произведения Жуковского входят в детские сборники, хрестоматии, читаются, выучиваются наизусть, оказывая на юных читателей эстетическое воздействие, воспитывают добрые чувства.

Слова Пушкина, некогда написанные под портретом своего старшего друга и доброжелателя:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается радость,
— оказались пророческими.

В «Замечаниях к плану» Детгиза 1935 г. А. М. Горький рекомендовал переиздать произведения Жуковского для школьников. Стихи его неизменно издаются для детей разных возрастов, переводятся на языки других народов, входят в школьные программы. Для подростков и

юношества издано несколько новых сборников поэта, лучшим из которых следует считать прекрасно оформленную книгу «Цветы души уединений» (М., 1982).

Басни в чтении детей.

Из всех стихотворных жанров в начале XIX века наибольшим успехом пользовалась среди детей басня. Жанр этот по многим признакам близок детям. Своим сюжетом басня напоминает сказку. Действующими лицами в ней чаще всего являются животные и звери. События разворачиваются быстро. Ее содержание легко; можно пересказать, инсценировать или читать по ролям. После чтения нетрудно проводить беседы морально-нравственного характера. Поэтому педагоги и воспитатели с давних пор широко пользовались басней «для наставления и забавы детей». Напомним, что в начале XVII века русским детям были известны басни Эзопа, а еще раньше они читали басни и притчи из популярной древнерусской книги «Стефанит и Ихниллат». Во второй половине XVIII и в начале XIX века в круг детского чтения широко входили басни Сумарокова, Хемницера, Дмитриева, а также менее известных баснописцев: Н. Неведомского, А. Соболева, П. Лобысевича, А. Измайлова и других.

За первую половину XIX века было издано для детей более 70 сборников, куда включались басни. Большинство из них выходило в первую четверть века. Издавались басни и иностранных авторов. Так, только произведения Эзопа выходили в первой половине XIX века 20 раз.

Басням придавалось самое разнообразное значение. Об этом можно судить по названиям сборников. Например: «Гостинец милым малюткам..., или **Собрание забавных сказок и басен с 20 картинками**» (1829), «Прелестный Вертоград для детей, или **Собрание приятных и отборных басен, с ясным и легким нравоучением и с детскою куклою... с картинками**» (1810, 1816).

Иногда басни предлагались детям вместе с познавательным материалом. Такова «**Азбука птицеводия, содержащая уроки из естественной истории птиц с басенками для наставления и забавы детей**» (1810, 1815).

Большой популярностью среди русских детей первой половины XIX века пользовались басни И. А. Крылова.

И. А. Крылов (1769—1844). Иван Андреевич Крылов вошел в историю русской литературы как непревзойденный баснописец, который довел этот жанр до высочайшего художественного совершенства и наполнил его актуальным идейным содержанием. Между тем произведения полюбившегося ему жанра в его творческом наследии занимают небольшое по объему место.

С детских лет жизнь Крылова была нелегкой. Отец его только после 30-летней службы в армии получил офицерский чин и в 1778 г. умер, оставив на руках неграмотной жены двух малолетних сыновей и сундук с любимыми книгами. Так что его восьмилетнему первенцу пришлось начинать службу подканцеляристом сначала в Тверской губернии, а затем переехать в Петербург, что дало возможность любознательному мальчику накопить немало фактов для будущих своих произведений.

Крылов - драматург. Первые шаги в литературе были сделаны Крыловым в драматургии, когда 15-летний канцелярист представил либретто комической оперы «Кофейница», за которую издатель назначил немалый гонорар в 60 рублей. Радость юного автора умножилась оттого, что вместо денег ему разрешили выбрать на эту сумму сочинения лучших драматургов. Этим жанром Крылов занимался около двадцати лет и написал 13 пьес. Далеко не все они были напечатаны, а еще меньше поставлены на сцене. Только две из них — «Модная лавка» (1806) и «Урок дочкам» (1807) дважды издавались при жизни автора, неоднократно шли в театрах. Можно было видеть их и в послевоенные 50-е годы XX века на сценах Москвы, Перми, Вологды, Куйбышева, Тюмени и других городов. В своих пьесах молодой драматург разоблачал бесправие крепостных, неограниченное самодурство помещиков, легкомыслие их жен и дочек, беззаконие чиновников, слепое подражание иностранному. В композициях и в языке пьес, в образах героев проглядывал талант будущего сатирика, баснописца и знатока народной речи.

Крылов — издатель сатирических журналов. Критическое отношение к современной жизни, умение отметить комическое в людях еще ярче проявились в сатирических журналах, в

которых молодой Крылов выступил продолжателем Новикова и Радищева. Двадцати лет он становится издателем нового журнала «Почта духов», в котором из номера в номер печаталось одно произведение самого издателя. Это был своеобразный сатирический роман, представляющий собой переписку «арабского волшебника Маликульмулька... с водяными, воздушными и подземными духами». Духи эти, по словам автора, «не любят крючкотворцев, ростовщиков и лицемеров, не жалуют щегольства, волокитства, выкрадывают иногда очень нахально... любовные письма, тайные записки, стихи и прочее».

Такой композиционный прием дал автору возможность сатирическими красками рисовать панораму русской жизни конца XVIII века. Беспощадному осмеянию подверг он сановников, крепостников; не пощадил саму императрицу Екатерину II и ее двор. Журнал такого направления не мог долго издаваться. Через восемь месяцев он был закрыт.

Через два года вместе с товарищами Крылов приобретает типографию и начинает издавать журнал «Зритель», на страницах которого еще ярче заблистал его сатирический талант в незаконченном романе «Ночи», в повести «Каиб», в «Речи, говоренной повесою в собрании дураков», в «Мыслях философа по моде, или Способе казаться разумным, не имея ни капли ума», в «Похвальной речи в память моему дедушке» и др.

Так, в «Мыслях философа» рисуется образ молодого «благородного человека», считающего, что он «родился только поесть хлеб, который посеют крестьяне» и что он поэтому «счастливый трутень». В «Похвальной речи» оратор представил своего деда лучшим другом собак, крепостные которого умирали с голоду в то время, когда он давал «великолепные свои пиры», обобрав перед этим все село.

Не меньшей сатирической остротой отличалась повесть «Каиб». Хотя события в ней происходили в некой восточной стране, но читатели без труда узнавали в ней Россию.

Журнал «Зритель», в котором печатались подобные произведения, имел ту же судьбу, что и «Почта духов»: после обыска в типографии и установления полицейского надзора в мае 1792 г. перестал издаваться.

В 1793 г. вместе со своим другом Клушиным Крылов начал издавать третий журнал — «Санкт-Петербургский Меркурий». Помня о расправе над Н. Новиковым и А. Радищевым, издатели нового журнала стали более осторожными. Крылов печатал здесь только лирические стихи. В конце года издатели объявили, что журнал «продолжаться не будет». Чтобы избежать Сибири или виселицы, в 1794 г. Крылов покидает столицу и одиннадцать лет скитается по России, живет в разных местах, работает домашним учителем, личным секретарем в имении опального князя С. Ф. Голицына. Когда окончательно убедился, что нависшая над ним опасность миновала, в 1805 г. появился в Москве, показал свои басни жившему там поэту и баснописцу И. Дмитриеву, который дал им восторженный отзыв.

В 1806 г. Крылов переезжает в Петербург, где с большим успехом шли в театрах его комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам». Он окончательно обосновался в столице, где до самой смерти работал в Императорской публичной библиотеке, начав свою служебную карьеру с помощника библиотекаря. И все свое дальнейшее творчество посвящает басне.

Басни И. А. Крылова. Жанром басни Крылов овладевал постепенно, казалось, специально готовился, исподволь подходил к нему.

Журнальная проза сделала его острым сатириком; пьесы научили создавать слаженную композицию, развертывать динамичный сюжет, строить острые диалоги, с помощью которых раскрывался внутренний мир героев. Лирические стихотворения середины 90-х годов позволили овладеть стихотворной формой, сжато выражать глубокие мысли. Звонкий, богатый и образный народный язык был близок ему с детских лет.

Наконец, чтобы избежать ссылки или казематов Петропавловской крепости, надо было научиться писать «вполоткрыто», по словам П. Вяземского, «говорить не проговариваясь». Таким требованиям мог отвечать только эзопов язык, а лучшим жанром для него могла служить басня.

Первые басни Крылова были напечатаны еще в 1788 г. Вновь он вернулся к этому жанру в 1805 г., так что в 1809 г. издал первую книгу, куда вошли 23 басни. Вслед за тем пошла книга за книгой, а в 1819 г. имел возможность издать свои басни в шести книгах, куда вошло 129 произведений.

Уже первая книга басен имела такой успех, что её автор был выдвинут в члены Российской Академии Наук, но при выборах обиженные академики, которых он до того высмеял в басне «Парнас», его кандидатуру провалили. Но через два года Крылов всё же стал академиком.

Слава Крылова-баснописца росла из года в год. В 1925 г. выходит полное издание всех его 165 басен. В том же году в двух томах они выходят в Париже на русском и французском языках. На это издание положительной рецензией откликнулся А. Пушкин.

Басни сделали Крылова самым почитаемым и знаменитым поэтом. Лучший издатель и книгопродавец того времени Смирдин с 1830 по 1840 г. десять раз издаёт басни невиданным для того времени тиражом в 40 тыс. экземпляров, адресуя их читателям разных состояний и возрастов. Автор их становится неперенным почётным гостей званых обедов, литературных и научных собраний, на которых читает только что написанные басни. В декабре 1843 г. выходит девятнадцатое прижизненное издание его басен. 9 ноября 1844 г. Крылова не стало.

В изданные при его жизни книги вошло 198 басен, разделенных на 9 книг. Всего им написано 209 басен. Кроме того, семь басен ему приписывается.

Из 209 басен 33, по признанию автора, являются переводами или подражаниями. В это число входят и популярные «Волк и Журавль», «Волк и Ягненок», «Ворона и Лисица», «Лисица и Виноград», «Лягушка и Вол», «Пустынник и Медведь», «Петух и Жемчужное Зернышко» и др. Сюжеты других басен заимствованы им из русских народных сказок («Лиса», «Волк и Лисица»), опираются на русские пословицы («Синица», «Пастух»), написаны по материалам из новиковского журнала «Детское чтение для сердца и разума» («Свинья под Дубом», «Обезьяна»).

Остальные басни (а их самое большое количество) явились откликами на события современной ему русской жизни. Крылов не любил отвечать на вопросы, какие конкретные факты и кого он имел в виду в басне. Иногда же уверял, что изображал просто зверюшек. О себе он поддерживал мнение, что является беззаботным и простодушным человеком, нейтральным ко всему окружающему, с безобидными странностями и забавными привычками.

В молодые годы Крылов общался с самыми передовыми людьми — Н. Новиковым, А. Радищевым. С апреля 1818 г. был членом «Вольного общества любителей российской словесности», в котором главную роль играли декабристы. До 1825 г. печатался в альманахе «Полярная звезда», который редактировали К. Рылеев и А. Бестужев, а позже в трудах «Вольного общества».

Лучшие басни Крылова носят ярко сатирический характер. Он продолжал линию, начатую на страницах журнала «Почта духов». Но теперь вынужден был прибегать к эзоповскому языку, считая, что «истина сноснее вполоткрыто», чтобы скрыть свои антиправительственные взгляды. Так, в басне «Чиж и Еж» (1814) под тем же дипломатическим предлогом, которым до этого воспользовался Н. М. Карамзин, он отказывается прославлять Александра I, победоносно вступившего в Париж во главе русской армии, ссылаясь на то, что для воспевания такого важного события не хватает у него таланта.

Басня «Пестрые Овцы», включенная автором в седьмую книгу, появилась в печати только в 1867 г. В ней разоблачается жестокость и лицемерие властелинов. Басня «Рыбьи пляски» явно антицарского и антикрепостнического направления была так искажена цензурой, что получила чуть ли не противоположное идейное содержание. Не разрешила цензура и его басню «Вельможа», где показан правитель, только подписывавший подготовленные его секретарем бумаги, за что бог подземного царства Плутон определил его после смерти в рай, потому что если такой дурак сам бы писал законы и правила, то мог бы принести народу столько несчастья, что «погубил бы целый край».

Басни Крылова, возвеличивая русский народ, имели в своем большинстве оппозиционный характер, пропитаны антикрепостническим, антиправительственным духом.

Басни И. Л. Крылова в оценке русской критики. Русская критика в целом была единодушна в своем положительном отношении к Крылову, но не всегда. Так, небезызвестный Каченовский свой разбор басен оснастил мелкими придирками. Недооценивал их П. А. Вяземский, вслед за которым В. А. Жуковский ставил их ниже басен И. Дмитриева, на что А. С.

Пушкин им возражал: «И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова».

С таким же восторгом воспринимал их и Н. В. Гоголь. Называя Крылова «народным поэтом», Гоголь продолжал: «Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц... которым крепок русский человек». Его басни, по словам Гоголя, «достояние народное и составляет книгу мудрости самого народа... Всюду у него Русь и пахнет Русью».

Внимательна была к его басням и декабристская критика. Так, А. Бестужев писал, что «Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравованию. В каждом его стихе виден русский здоровый ум... Его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия».

Крылов печатался в декабристском альманахе «Полярная звезда», в трудах «Вольного общества любителей российской словесности», в котором главную роль играли декабристы. А публикацию его басни «Кошка и Соловей» в трудах этого общества редакция сопроводила теплым отзывом об авторе, выражением любви и благодарности ему со стороны всех соотечественников.

Позднее Вяземский и Жуковский изменили свое мнение о Крылове. Первый из них признавал его человеком с врожденным талантом баснописца, но считал не беззаботным, рассеянным и чудаковатым, каким его видели некоторые, а человеком «себе на уме», который, используя жанр басни, «мог говорить не проговариваясь» и под образами зверей критиковал таких людей, о которых прямо писать «не хватало бы духу».

Настоящий восторженный гимн пропел Крылову В. А. Жуковский в своем приветственном выступлении на торжествах в честь 50-летия творческой деятельности баснописца 2 февраля 1838 г. Он назвал юбилей Крылова национальным праздником всей России, горячо благодарил его за себя, за русский народ и особенно «за юношей прошлого, настоящего и будущего», которые с его именем и любить отечественный язык, понимать изящное и знакомиться с чистой мудростью жизни», а также предсказал ему славу среди потомков.

До этого А. С. Пушкин в рецензии на издание басен в переводе на французский язык назвал Крылова неподражаемым, истинно народным поэтом, выразившим дух родного народа, главные черты его характера. «Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселье лукавого ума, насмешливость и живописный способ выражаться», — писал Пушкин и заключил, что именно эти черты русского народа Крылов отразил в своих баснях.

Неутомимым толкователем творчества Крылова был Белинский, который на протяжении всей своей критической деятельности не забывал о нем. (В Полном собрании сочинений имя баснописца упоминается более четырехсот раз, уступая в этом отношении только Пушкину.)

Отталкиваясь от оценок Пушкина, Гоголя и Жуковского, Белинский создал целую концепцию о сущности творчества Крылова, его национальном своеобразии, высочайшей эстетической ценности и великом воспитательном значении его творчества для детей, его месте в истории русской культуры и в жизни русского общества в настоящее время и в будущем.

По словам Белинского, Крылов «велик и бессмертен», ни под чьим влиянием никогда не находился, а шел своей дорогой, называет его «в высочайшей степени» народным поэтом, который «был народен потому, что не мог быть» другим, он «народен бессознательно». Его басни будут читаться до тех пор, «пока русское слово не перестанет быть живою речью живого народа». И каждая его басня — «повесть, комедия, юмористический очерк, злая сатира, словом, что хотите, только не просто басня», а язык его — «неисчерпаемый источник русизмов». Оценки великих современников Крылова не потеряли своего значения и для нас.

Басни И. А. Крылова как произведения для детей. Басня своей поэтикой, жанровыми и композиционными особенностями, по языку и стилю очень близка детям. Она воплотила в себе многие особенности детской литературы, так что ни один ребенок не может остаться равнодушным к ней.

Короткий, всегда напряженный и занимательный сюжет, где мало повествования и еще меньше описаний, много глаголов действия и диалогов, точной и сжатой информации, басня

вполне понятна детям и поэтому легко запоминается. В басне немного героев. Среди них рельефно выделяется главный герой, носитель основной авторской идеи, который всегда наделяется яркими положительными или отрицательными чертами.

Героями басни являются дикие животные, птицы, рыбы, предметы домашнего быта, утвари, которые к тому же разговаривают, чем напоминают детям любимые ими сказки. Доступен детям и язык басен, чаще всего бытовой, разговорный, полный пословиц, поговорок, крылатых выражений. Мысли выражаются в них ясно и понятно даже малышам.

Н. В. Гоголь в свое время тонко подметил эту особенность басен Крылова, говоря: «Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так осязаемой и выразиться так доступно всем, как Крылов».

Басни легко поддаются инсценировке, и дети могут разыгрывать их как маленькие пьесы. Они любят подражать голосам разных героев, старательно произнося их реплики и краткие монологи, сопровождая их выразительными жестами, мимикой, движением, что способствует более глубокому проникновению в их идейный смысл. Басня является прекрасной школой воспитания культуры чтения. На ее примере легко учить детей следовать за развитием сюжета, держать его в поле своего внимания, зримо представлять героев, вслушиваться в повествование, видеть описываемое, следить за диалогами, вникать в реплики, в характеры героев, в идейное содержание.

Басни легче, чем произведения других жанров, поддаются иллюстрированию. И. А. Крылов знал и видел, как читают его басни дети, и гордился этим. Для популярности его басен среди всех слоев общества в начале XIX века была хорошо подготовлена почва баснями Сумарокова, Хемницера, Дмитриева, Измайлова и других. Не случайно Жуковский, Гоголь и Белинский единодушно отметили близость басен Крылова детям. К ним присоединился и В. Ф. Одоевский, который на юбилейном вечере признавался, что люди его поколения по басням Крылова учились читать.

В обстоятельной рецензии на второе издание басен в 1847 г. Белинский особое внимание обратил на удачно написанную Плетневым биографию Крылова, которую, по словам критика, «с пользою могут читать и дети».

Рекомендуя для детского чтения произведения крупнейших писателей своего времени, Белинский первым в этом списке называет имя Крылова. «Из произведений, написанных для всех возрастов, давайте им «Басни» Крылова, в которых даже практические, житейские мысли облечены в такие пленительные поэтические образы и все так резко запечатлено печатью русского ума и русского духа», — писал он в 1840 г., еще при жизни Крылова, в статье «Подарок на Новый год». Через пять лет в обобщающей статье «Иван Андреевич Крылов» Белинский вновь повторил свой совет давать его басни детям, чтобы они «постоянно читали их и набирались мудрости».

Сам Крылов учитывал, что его басни понимают и дети. Поэтому свои книги дарил и посвящал детям. Две басни — «Дуб и Трость» и «Разборчивая невеста» автор написал для маленькой дочери своих приятелей, «Плотичку» — для одного подростка. Автор в ней как бы беседует со своим читателем, непосредственно обращаясь к нему со словами «милый друг».

Некоторые басни напечатаны сначала в детских сборниках, а потом на страницах журналов или книг. Такова судьба басни «Крестьянин и Змея». Басни «Лань и Дервиш», «Туча» «Чиж и Голубь» попали в детскую книгу сразу же после первых журнальных публикаций.

Таким, образом, доступность детям, высокий художественный уровень, народность, жанровое своеобразие, а также исторические условия способствовали популярности басен Крылова среди детей.

Басни И. А. Крылова в чтении детей. Басни Крылова с первым их появлением в печати стали входить в круг детского чтения. В мемуарах о детских годах начала XIX века то и дело встречаются сведения о чтении их детьми младшего возраста. Знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов (родился в 1810 г.) рассказывал, что он добровольно выучил наизусть в раннем детстве «Квартет», «Демьянову уху» и «Тришкин кафтан».

Быстро стали басни входить в сборники для детей. В 1816 г. в типографии Московского университета был издан сборник в двух частях «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста», куда входило шесть басен Крылова. В 1819 г. 38 его басен

вошли в «Учебную книгу российской словесности» для гимназий, уездных училищ и пансионов, составленную Н. И. Гречем. С этих пор они стали изучаться в школах. Но в отдельных учебных заведениях педагоги задолго до этого по своей инициативе читали воспитанникам полюбившиеся басни.

В 20-х годах XIX века происходит более тщательный их отбор для детского чтения и формируется список, который на долгие годы становится постоянным. Составители детских сборников по-прежнему их включали в издаваемые книги. Так, издатель Александр Кузнецов отпечатал в типографии Августа Семена «Памятник для детей, или Подарок на Новый 1823 год», где были три басни Крылова. В 40-е годы слава баснописца достигает зенита. Через год после его смерти выходит из печати книга начинающего писателя Д. В. Григоровича «Дедушка Крылов» (в качестве традиционного подарка для детей на Новый год). Она была иллюстрирована знаменитым графиком А. А. Агиным, прославившимся позднее иллюстрациями к «Мертвым душам» Гоголя.

Новый шаг в освоении творчества Крылова более широкими читательскими кругами, детьми младшего школьного возраста, был сделан К. Д. Ушинским, который в своих учебных книгах для 1 — 4 классов начальной школы поместил более сорока его басен. При этом он опускал концовки, считая, что художественное произведение должно воздействовать на детей непосредственными впечатлениями, а не моральными сентенциями. В своих педагогических трудах Ушинский показал близость крыловских басен маленьким читателям, раскрыл их огромное значение в нравственном, умственном и эстетическом воспитании.

Но настоящую широкую дорогу басням Крылова открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Уже в первые годы после революции И. А. Крылов становится самым читаемым писателем из всех классиков русской литературы. Достаточно сказать, что с 1917 по 1930 г. его басни были изданы отдельными книгами более пятидесяти раз. Причем с каждым годом увеличивались тиражи и количество изданий. Так, до 1923 г. они были изданы тиражом в 72 тыс. экземпляров, в 1928 — 29 гг. — 262 тыс., а в 1930 г. выходили 13 раз и годовой тираж их составил 1 млн 55 тыс. экземпляров, т. е. превысил весь тираж дореволюционных изданий за 108 лет.

Данные эти блистательно оправдали предсказания В. Г. Белинского, писавшего в 1845 г.: «Число читателей Крылова непрерывно будет увеличиваться по мере увеличения числа грамотных людей в России». Напомним, что к 1930 г. была ликвидирована неграмотность среди взрослого населения и введено всеобщее начальное обучение.

В советские годы басни Крылова получили постоянную прописку в учебных книгах и в программах школ. Если до революции они были переведены только на основные европейские языки, то за годы Советской власти великий баснописец заговорил более чем на пятидесяти языках. Значительно увеличились переводы басен на языки зарубежных стран.

Еще до революции крыловские традиции были подхвачены его современниками — Грибоедовым, Гоголем и продолжены русскими писателями последующих поколений от М. Е. Салтыкова-Щедрина до А. Н. Островского. Но особенно много творческих его наследников стало в советские годы. Живую эстафету подхватили русские писатели разных поколений от Д. Бедного до С. Михалкова. Плодотворно развиваются эти традиции и в литературах других стран. Баснописцы и поэты-сатирики сделали Крылова составной частью своей национальной по форме и содержанию культуры через перевод его басен на родной язык и плодотворное развитие его традиций.

Воспитательно-образовательное значение басен И. А. Крылова. Являясь образцом народности, басни И. А. Крылова воспитывают школьников в духе народности. Независимо от своей воли юные читатели пропитываются при их чтении чертами русского национального характера, его духом и взглядом на мир, перенимают его здоровый, трезвый ум и мудрость. Басни эти не только воспитывают высокие человеческие качества, свойственные народу, но и укрепляют уважение к трудовому народу и к родной земле, способствуют тем самым патриотическому воспитанию.

Басни на исторические темы, особенно те, что посвящены событиям Отечественной войны 1812 г., вселяют в детей гордость за героическое прошлое Родины, обогащают их историческую память. Помогают басни и умственному развитию, так как учат видеть за событиями и

явлениями повседневной жизни их скрытый смысл, разбираться в человеческих характерах, оценивать поступки людей, схватывать их смешные стороны, чем воспитывают наблюдательность, чувство юмора и остроумие.

Речь юных читателей с их помощью обогащается большим количеством лапидарных, афористичных выражений, ставших пословицами и поговорками, которыми, по словам Белинского, «часто можно окончить спор и доказать свою мысль лучше, нежели какими-нибудь теоретическими доводами». Крылов воспитывает в детях высокую языковую культуру, умение ценить меткое и емкое слово, экономно и точно, остроумно и образно выражать свои мысли.

Басни помогают раскрыть и развить артистические способности детей, которые охотно участвуют в их инсценировках. Не менее охотно они рисуют картинки на их сюжеты, так как созданные поэтом рельефные образы, яркие картины и ситуации встают перед детьми как реально существующие.

Этим, однако, не исчерпывается воспитательная роль крыловских басен. Они являются удобным и благодатным объектом для анализа, так как дети хорошо удерживают в памяти все их детали. В то же время на примере анализа басен легко подкреплять объяснения литературных понятий, давать представление о сущности искусства, сюжете, композиции, образах и образности.

Произведения Крылова учат бороться с недостатками в нашей среде: с бюрократизмом, с равнодушием к окружающим, двоедушием, лицемерием, подхалимством, близорукостью и другими пороками.

Наконец, басни Крылова, образ самого их создателя наполняют сердца юных гордостью за русский народ, выдвинувший из своей среды таких талантливых людей, каким является Крылов, дают уроки мастерства современным писателям-сатирикам и баснописцам, чтобы разоблачать и искоренять отрицательные явления жизни.

Поэтому нет человека, который бы не знал великого баснописца, не учил бы с детства его басни наизусть, не помнил хотя бы одну на память или отдельные строки из них, не использовал бы крылатые выражения в своей устной речи.

Какие же произведения Крылова предлагать современным детям? Белинский в свое время все его 208 басен разделил на три разряда, исходя из своего понимания сущности и места этого жанра в литературе того времени. К первому разряду он относил басни, в которых Крылов, по словам критика, «хотел быть простым моралистом и которые слабы по рассказу». В их число он включил многие из тех, которые еще при жизни автора пользовались особой популярностью среди детей. Это «Лягушка и Вол», «Мартышка и Очки», «Волк на псарне», «Стрекоза и Муравей», «Петух и Жемчужное Зерно», «Листы и Корни» и др. (всего 78 басен). Ко второму разряду он относил те, «в которых моральное направление борется с поэтическим». Это басни: «Ворона и Лисица», «Ларчик», «Разборчивая невеста», «Оракул», «Волк и Ягненок», «Синица», «Троеженец», «Орел и Куры» и др. (всего 81 басня). К высшему, третьему разряду он отнес «басни чисто сатирические и поэтические», т. е. «все лучшие басни». Это: «Слон на воеводстве», «Гуси», «Тришкин кафтан», «Зеркало и Обезьяна», «Мельник», «Свинья под Дубом», «Рыбьи пляски», «Щука», «Прихожанин», «Ворона», «Мужик» и др. При этом детскими Белинский называет наиболее слабые басни, отнесенные им в первый разряд. Из третьего разряда ни одну не считает детской.

В наши дни с таким делением басен применительно к читателям-детям вряд ли можно согласиться. Исходя из издательской практики и опыта работы школ и детских библиотек, басни Крылова делят на две группы. К первой, предназначенной учащимся младших классов (до пятого включительно), относит басни с четко выраженным сюжетом, юмористического и сатирического содержания, не нуждающиеся в особых разъяснениях. Это такие, как: «Ворона и Лисица», «Ларчик», «Волк и Ягненок».

Другие басни, более сложные по содержанию или имеющие историческую основу и поэтому нуждающиеся в разъяснениях, желательно рекомендовать старшим подросткам. Таковы, например: «Музыканты», «Лягушка и Вол», «Бочка» и др.

Вместе с баснями желательно рекомендовать читателям детские книги о Крылове. Понятно, что старшим подросткам, наиболее заинтересовавшимся этим жанром, можно

рекомендовать все басни Крылова, а юношам — и прозу, и драматургию, все то, что вошло в его двухтомник издания 1984 г. и в другие подобные книги.

И. А. Крылов, его лучшие произведения и прежде всего басни являются органической частью современной культуры, и задача учителя — как можно раньше и глубже знакомить юных читателей с его произведениями как с выдающимся явлением духовного наследия. С именем великого баснописца, сатирика, боровшегося со всем тем, что мешает человеку достойно жить, не расстаются сегодняшние читатели.

А.С. ПУШКИН (1799 - 1837). Уже много лет духовную жизнь русского народа нельзя представить без Пушкина. Имя это, как светлый солнечный луч, озаряет душу, едва ли не с молоком матери входит в сердце и в сознание каждого ребенка и остается там навсегда. Каждый читатель по-своему приходит к постижению его гениальных творений.

«Когда он вошел в меня? - спрашивал И. А. Бунин в зрелые годы и сам же отвечал: - Я слышал о нем с младенчества». По его признанию, уже первые прочитанные им стихи Пушкина «навек вошли» в его существо и стали «одной из высших радостей», пережитых им на земле. Загадка очарования пушкинского стиха осталась для него непостижимой тайной, вела в необъятные просторы и в дебри русской поэзии и прозы. Но кем бы ни увлекался он, каждый раз, в течение всей жизни, опять возвращался к колдовским созвучиям великого поэта, снова и снова повторял одно и то же сердечное признание: «И все-таки больше всего я... с Пушкиным».

Хотя имя Пушкина становится известным всем современным детям еще в дошкольном возрасте, но в какой мере доступен он им? Даже «Сказка о рыбаке и рыбке», которую мы привыкли считать самым детским произведением из всего творчества поэта, не так-то проста. Поэтому правомерно ли ставить проблему «Пушкин как поэт для детей» или «Пушкин и детская литература», поскольку он ничего не создавал специально для маленьких читателей и вообще отказывался от этого даже незадолго до гибели?

В ответ на просьбу В. Ф. Одоевского написать специально для детей он откровенно признавался: «Батюшка, ваше сиятельство! Побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям - ни сват, ни брат. Зачем мне Sотдействовать «Детскому журналу»? Уж и так говорят, что я в детство впадаю».

Почему же великий поэт так категорически отказывался от контактов с детским журналом? Интересовался ли он детской литературой, имел ли связи с ней?

Вопросы просвещения и детская литература в жизни и деятельности А. С. Пушкина. Русская литература, особенно детская, неотделима от просвещения. Так было и во времена Пушкина. Декабристы, под влиянием которых формировалось мировоззрение поэта, рассматривали литературу в тесной связи с просвещением и признавали ее важнейшим оружием для решения политических проблем.

Главным препятствием для широкого распространения просвещения великий поэт считал подневольное положение русского народа. Крепостной строй, при котором невозможно дать достойного воспитания не только детям крестьян, но и высшего сословия, ибо в самом раннем возрасте любой ребенок постоянно видит, по словам поэта, одни гнусные примеры и поэтому «своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимоотношениях людей, об истинной чести». При наличии таких социальных пороков, считал он, не может быть свободного общества, ибо «политическая свобода неразлучна с освобождением крестьян». И только в результате отмены крепостного права Россия сможет стать наравне с «просвещенными народами Европы». Подобные антикрепостнические взгляды проходят через все творчество великого поэта.

Придавая важнейшее значение воспитанию, Пушкин резко критиковал его состояние в России. «Воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла», - утверждал он. И зло это считал характерным для России, где воспитание и обучение крайне недостаточно, в результате чего молодой человек «входит в свет безо всяких основательных познаний, без положительных правил».

Еще более убогим и насквозь порочным считал Пушкин домашнее воспитание. Оно «самое недостаточное, самое безнравственное», ибо ребенок, живущий в мире господ и холопов, бессознательно впитывает в себя отвратительные пороки этого мира.

Мысли эти нашли яркое отражение в ряде его произведений. Критикуя существовавшие в то время типы учебных заведений, Пушкин намечает положительную программу их преобразования. Он возражает против увлечения иностранными языками, особенно латинским и греческим. Вместо этого рекомендует лучше изучать Родину, так как «Россия слишком мало известна русским».

При преподавании любого предмета Пушкин советует исходить из возраста детей. Подобно декабристам, он большое значение придавал изучению истории и считал, что малышам «в первые годы учения» полезно рассказывать о наиболее значительных и ярких событиях из прошлого Родины «без всяких нравственных или политических рассуждений». Иначе говоря, прошлое должно выступать перед маленькими детьми в яркой и образной форме без нравоучений. Подобные мысли встречались еще у декабристов позднее будут подхвачены и развиты Белинским в его статьях о детской литературе и возведены на высшую ступень в педагогических сочинениях К. Д. Ушинского.

В «окончательном курсе» истории, преподаваемом учащимся среднего и старшего возраста, Пушкин рекомендовал показывать все важнейшие события и толковать их с передовых позиций и при этом «не хитрить, не искажать республиканских рассуждений», не утаивать от них правду о прошлом и настоящем.

Подобные мысли поэта имели важнейшее значение, особенно для развития научно-художественной литературы для детей, и служили толчком для деятелей позднейших эпох. Целям просвещения народа, считал великий поэт, должна служить и литература, доступная читателям всех возрастов.

Факты из творческой биографии Пушкина свидетельствуют, что он интересовался современной ему детской литературой и знал ее. Об это говорят рецензии на детские книги на страницах «Литературной газеты», его рукопись «Детская книжка» и письмо, адресованное А. О. Ишимовой.

В «Литературной газете» Пушкин занимал центральное место. К его голосу прислушивались А. Дельвиг, О. Сомов и другие сотрудники. Поэтому в рецензиях на детские книги, опубликованных на страницах газеты, отражались в основном его взгляды.

О хорошем знании Пушкиным детской литературы свидетельствует дошедшая до нас его рукопись «Детская книжка», состоящая из трех сюжетов, в которых рельефно обозначены три детских характера и схвачены типичные недостатки детской литературы того времени. В первом наброске, озаглавленном «Ветреный мальчик», создан образ неглупого, но ветреного и заносчивого мальчика Алеши, который «ничему не хотел порядочно научиться». В результате этого «при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые четыре правила арифметики и читал довольно бегло по-русски», за что он «прослыл невеждою», и поэтому все товарищи смеялись над ним.

Во второй миниатюре («Маленький лжец») рассказывается, о добром, опрятном и прилежном мальчике Павлуше, который «не мог сказать и трех слов, чтобы не солгать». Герой третьей миниатюры Ванюша, сын дьячка, был ужасный шалун. На улице он валялся в грязи, приставал к прохожим, оскорблял их. Один из прохожих «больно побил его тросточкой», чем остался доволен отец Ванюши и даже поблагодарил того, кто «не побрезговал поучить» шалуна. После этого Ванюша опечалился, «почувствовал свою вину и исправился».

Современники поэта без труда узнавали в детских образах литературных противников поэта; а сами эти наброски являются фельетонами. Первый из них направлен против Н. Полевого, на книгу которого «История русского народа» Пушкин опубликовал две отрицательные рецензии, обвинив автора в опрометчивости, поспешности и зазнайстве. В другом произведении Н. Полевой назван им человеком честным и порядочным, но малообразованным.

Под героем второй миниатюры подразумевается П. Свиньин, писатель и публицист, которого не раз уличали во лжи. Героем третьего фельетона считают профессора Московского университета, критика и теоретика литературы Н. И. Надеждина, который выступал с резкими статьями о поэмах «Полтава» и «Граф Нулин». Являясь по форме фельетонами, наброски эти стали одновременно пародиями на детские книги первой половины XIX века, и их мог создать только человек, хорошо знавший детскую литературу.

Об интересе Пушкина к детской литературе своего времени свидетельствует и его письмо к известной детской писательнице А. О. Ишимовой, написанное в январе 1837 г., накануне роковой дуэли. Письмо это явилось последней рукописью поэта, поэтому обычно завершает полное собрание его сочинений. В письме Пушкин высоко оценил недавно вышедшую книгу А. О. Ишимовой «История России в рассказах детей». С такой оценкой произведения позднее совпали мнения В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского.

Произведения А. С. Пушкина в детском чтении. Хотя Пушкин не писал для детей, но история русской детской литературы немыслима без его произведений, а русское общество - без их воспитательного воздействия.

Распространенное мнение, что Пушкин не писал для детей только потому, что ничего общего не хотел иметь с низкопробной детской литературой того времени, вряд ли является ответом на вопрос. Универсальный гений великого поэта, видевшего окружающий мир единым, не умещается ни в какие узкие рамки. Так же видел он и читателей, не разделяя их на возрастные группы. Как поэт Пушкин стремился быть доступным читателям всех возрастов, о чем прямо заявил еще в начале творческого пути.

Я хочу, чтоб меня поняли

Все от мала до великого,

- говорил 15-летний лицеист в незаконченной сказке «Бова» И этому правилу следовал в течение всей своей творческой жизни.

По словам Гоголя, Пушкин писал только для читателей, одаренных поэтическим чутьем, и к своим произведениям «не подставлял... лестницы ни для кого из тех, которые глухи к поэзии». Таким образом, Пушкин делил читателей не на возрастные группы, а на одаренных от природы поэтическим чутьем и поэтому способных понять его творения и глухих к поэзии.

Среди своих читателей Пушкин подразумевал и детей и никогда не возражал, если его стихотворения публиковались на страницах детских журналов, сборников или альманахов. По этой же причине, когда его попросили для детского и юношеского альманаха «Сиротка» дать какие-нибудь произведения, дал только что написанные стихи «Новоселье» и «Мадонна».

Воспитательное значение личности самого поэта и его творчества для молодежи впервые показал Гоголь, который сам живо интересовался вопросами воспитания и написал несколько статей эту тему, считая, что «важнейшая государственная часть все-таки есть воспитание юношества».

В статьях о Пушкине, а также в целом ряде рецензий на детские книги Белинский не только показал благотворное воспитательное воздействие поэта на детей, но и составил целый список его произведений для детского чтения, а также оригинальные рекомендации, как их читать с детьми. «Не заботьтесь о том, что дети тут мало поймут, но именно и старайтесь, чтобы они как можно менее понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо их приучается к гармонии русского слова, сердце преисполняется чувством изящного; пусть и поэзия действует на них, как и музыка - прямо через сердце, мимо головы, для которой еще настанет свое время, свой черед».

Однако в школьные программы творчество Пушкина вошло не сразу. Только в 1856 г. от поступающих в Московский университет требовали знания некоторых его произведений и основных фактов из его жизни.

Значительно полнее представил Пушкина детям и юношеству Н. Г. Чернышевский в своей книге «Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения». В ней автор отдавал предпочтение фактам, рельефно представляющим трудолюбивую, благородную и могучую личность поэта, показал его место в русской литературе. В приложении к книге он поместил для детского и юношеского чтения 19 стихотворений поэта и отрывки из «Полтавы», «Медного всадника», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина».

Двери начальной школы для произведений Пушкина впервые широко открыл Ушинский, который в своих учебных книгах предложил школьникам более сорока произведений поэта и отрывков из них. С тех пор русская школа не расстается с творчеством великого поэта. К творчеству великого Пушкина не только не зарастает, но все более расширяется «народная тропа».

Сказки А.С. Пушкина. Источники сказок Пушкина и история их создания. «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке»: написаны в 1833 г. в Болдине. Над «Сказкой о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне и о прекрасной царевне Лебеди» поэт работал в Царском Селе в 1831 г. Последняя из них - «Сказка о золотом петушке» - написана в 1834 г.

Интерес к народному творчеству у Пушкина возник с раннего детства. На всю жизнь западали в его душу сказки, услышанные ещё в колыбели. В 20-е годы, живя в Михайловском, собирал и изучал фольклор. К народным сюжетам он обратился в 30-е годы, когда разгорелись споры о русском национальном характере, об отношении к народному творчеству, о народности литературы, в свое время поднятые декабристами. Первой пробой пера в этом жанре была работа над древнерусской сказкой о Бове, сюжет которой восходит к французскому рыцарскому роману.

Повесть и сказку о Бове знали почти все русские дети, начиная с XVI века. Первую попытку переложить ее на стихи сделал А. Радищев. В 1814 г. его примеру последовал и лицеист А. Пушкин, который придал сюжету резко сатирический характер. Главным объектом осмеяния при этом стал царь Додон и его окружение.

Наряду с повестью о Бове в детское чтение XVII века входила и повесть о Еруслане Лазаревиче, также переделанная в XVIII веке в сказку. Пушкин позднее использовал из этих сказок кое-какие элементы. Если из повести о Бове в его сказки вошли отдельные эпизоды и имена героев, то из повести о Еруслане Лазаревиче он взял поле, усеянное мертвыми костями и истоптанное конём богатыря, огромную голову на этом поле, выходящих из морской пучины богатырей и другие сказочные эпизоды; некоторые из них вошли до этого в «Руслана и Людмилу». Все это свидетельствует лишь о том, что сказки Пушкина связаны не только с народным творчеством, но и с древнерусской литературой.

Следующим произведением, тесно связанным со сказочным жанром, явилась поэма «Руслан и Людмила» (1817—1820).

Основой сюжета «Сказки о царе Салтане» послужила русская народная сказка, записанная в конце 1824 г. в Михайловском со слов Арины Родионовны. Сюжет этот был значительно переработан. Так, в народной сказке сестры не собирались быть царицами, а в разговоре между собой хвалились, что первая может все «государство одним зерном накормить», вторая – всех одеть куском сукна, а третья - родить 33 сына. Царь женился на меньшей сестре, а двух других с собой не брал.

Иной характер имеют у Пушкина и чудеса на острове. Первым чудом в народной сказке является дуб у лукоморья, а на нем золотая цепь, по которой ходит кот, рассказывающий сказки и поющий песни. Второе чудо - на горе грызутся два борова, «а меж ними сыплется золото да серебро». И третье чудо - «из моря выходят 30 отроков на один час».

А. С. Пушкин так переработал народный сюжет, что оставил лишь главные звенья, наделил сказку более привлекательными героями и близкими к жизни деталями. Так, вместо свиней выдумал чудесную белочку, которая грызет золотые орешки с изумрудными ядрами. Сын-богатырь растёт в бочке «не по дням, а по часам» и своей силой освобождается из бочки, а не по благословению и с помощью неизвестной силы, как это было в народной сказке. Получилось новое произведение, полное сказочной прелести и чудес, с великолепными героями, способными преодолевать любые препятствия.

Источником «Сказки о рыбаке и рыбке» исследователи признают сюжет из сборника братьев Гримм. Однако похожие сюжеты встречаются и в русском фольклоре. Так, в собрании А. Н. Афанасьева имеются две подобные сказки - «Золотая рыбка» и «Жадная старуха», которые могли быть известны Пушкину и стать источниками для его сказки.

«Сказка о попе и о работнике его Балде» при жизни Пушкина не печаталась. Первым ее слушателем был Н. В. Гоголь, которому поэт читал ее в Царском Селе летом 1831 г. Гоголь пришел от нее в восторг, назвал ее совершенно русской сказкой и прелестью невообразимой. Как и «Сказка о царе Салтане», она создана на основе сюжета народной сказки, услышанной в селе Михайловском. В сказке Пушкина поп дает Балде только одно задание - собрать с чертей оброк. Между тем в народной сказке значительно больше событий. Схожие сюжеты встречаются в двух сказках, записанных Афанасьевым: «Батрак» и «Шабарша».

«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» создана на основе русской сказки, записанной в Михайловском, Пушкин мог также использовать русскую сказку «Волшебное зеркальце».

Наконец, «Сказка о золотом петушке», впервые напечатанная в 1835 г., опирается на сюжет американского писателя Вашингтона Ирвинга.

Незавершенная «Сказка о медведихе» и сказка «Жених», отрывок из «Бовы» в круг чтения детей обычно не входят.

Идейная глубина и художественное совершенство сказок. Народные сказки, вошедшие в обиход детей, веками оттачивались, наилучшим образом приспособлялись для детского восприятия. В них наиболее полно отразилось своеобразие детской литературы.

Народные сказки сюжетны. Действие в них развивается быстро, протекает без промежуточных, проходных событий.

Ещё более динамичны сюжеты в сказках Пушкина. Их герои постоянно действуют. Поэтому почти в каждой строке имеется глагол движения. Вот примеры из разных сказок:

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела...
В сени вышел царь-отец,
Все пустились во дворец.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился...

А в некоторых строках встречаются по два и даже по три таких глагола:

Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.

Глаголы-сказуемые сопровождаются минимальным количеством дополнений, в которых указывается лишь место, время или характер действия. При такой экономии слов, предельной сжатости описаний создаются яркие картины, полные глубокого смысла:

В синем небе звёзды блещут;
В синем море волны хлещут,
Тучка по небу идет,
Бочка по морю плывет.

Минимальным количеством слов нарисована зримая картина: читатель видит бездонное небо с яркими звездами и беспредельное море с бурными волнами, одинокую тучу в небе и еще более одинокую бочку в море. И если не упоминаются сидящие в ней царица и царевич, читатель все равно не забывает о них и с болью в сердце сочувствует им. Боль эта усиливается от следующих за этим строк:

Словно горькая вдовица,
Плачет, бьётся в ней царица.

Так логически оправданно вытекает из всего предыдущего каждое даже незначительное событие. Быстро развивающиеся действия сменяются столь же кратко нарисованными сказочными картинами. Таков неведомый город

на острове, где
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами...

По мере движения сюжета общий характер картины детализируется и дополняется новыми не менее сказочными сценами. Чудо следует за чудом. Такова белка, которая песенки поёт и орешки все грызет». Затем появляются тридцать три богатыря во главе с дядькой Черномором.

Каждая деталь так преобразуется, что делается реальней в содержательней, чем это было в народной сказке. Так, например, в народном сюжете гроб царицы привинчен был к соснам золотыми цепями, а царевич влюбляется в труп, что вызывает у читателя неприятные чувства. Герой пушкинской сказки королевич Елисей не знает о смерти царевны и ищет свою

возлюбленную как живую. В сказке Пушкина братья не хоронят царевну «в пустой гул», т. е. в пещере; гроб вешают на чугунных цепях, что более реально, хотя и не менее сказочно. Даже смерть царевны и ее хрустальный гроб не вызывают чувства безысходности. Горе уменьшается, вселяется надежда на лучший исход, когда читаем строки:

Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.

В сказке Пушкина к царевне приходит не мачеха, что уж совсем недостойно для царицы, как это происходит в народной сказке, а настоящая колдунья в образе старой нищей монашки и дарит царевне не рубашку, а более достойный для царевны подарок - сказочное яблоко, которое

Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так приятно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...

Сказочные превращения и необычные картины логически мотивированы, оправданы и реалистически точны - в деталях. Так, каждый раз возвращаясь с моря, старик видит реальную картину и ситуацию, в которой по воле рыбки оказывается его старуха: то это новое корыто, то «изба со светелкой», то высокий дворянский терем с богато одетой старухой на крыльце, то роскошные царские палаты. И выглядят они не сказочными, а реальными, лишь их появление сказочно.

Таким образом, сказки Пушкина привлекают внимание детей динамичным сюжетом, необычными ситуациями и событиями, сценами, полными чудес и роскоши. И так как каждая деталь в них естественна, реальна, тесно связана с жизнью или взята из мира, окружающего ребенка, то они легко воспринимаются и в то же время вызывают удивление, воспитывают благородные чувства.

Как и в народных сказках, герои в них делятся на положительных и отрицательных. Каждый из них наделяется одной ведущей чертой характера. Темное и светлое, доброе и злое четко разграничиваются. Но добра и света в них намного больше, и они торжествуют над тьмой и злом. Положительные герои полны внутреннего благородства, нравственной и физической красоты, смелости и отваги.

Таков юный, сказочно быстро выросший и возмужавший князь Гвидон, который освобождает себя и свою мать из бочки, всегда находит выход из самого трудного положения.

Особо пленительны в сказках женские образы. Это и мать Гвидона, нежная, преданная жена, безвинно пострадавшая в результате интриг коварных завистниц. Как самая лучшая из сестриц, она по праву становится царицей. Не уступает ей и молодая царевна из другой сказки, которая и в лесу не растерялась, куда увезли ее, чтобы погубить. Она ведет себя как человек из трудовой, крестьянской среды. Не чуждается простого физического труда: печку затопила, дом прибрала. В один ряд с ними становится и царевна Лебедь, обаятельная, рассудительная, благодарная за оказанную ей помощь, ставшая образцовой женой Гвидону.

Достоин своей суженой юный королевич Елисей, который в поисках невесты идет на край света, сохраняет безупречную верность ей, постоянно пылает светлой, чистой любовью. Не случайно вся природа: и луна, и ветер, и солнце помогают ему.

Над героями сказок возвышается простой русский человек Балда. Он напоминает (по имени) Иванушку-дурачка. Но если Иван нередко допускает несуразные поступки, хотя в конце концов побеждает, то в Балде нет ничего того, что подтверждало бы его имя. Он добр, общителен, сказочно проворен и трудолюбив, приятен в общении и поэтому всем нравится. Это человек с детским простодушием, с богатырской силой и огромной душевной мощью. Он может все, даже с чертей оброк собрал. Не случайно попова дочь в восторге от него, а поповы дети называют его тятей (так он нежен и внимателен к ним). Рассчитываясь с жадным и недалёковидным служителем культа, не обладающим чувством собственного достоинства, Балда не вступает с ним в рассуждения, не тратит лишних слов на обличения и лишь «говорит с укоризною».

И в этом случае, опираясь на народный сюжет, Пушкин не только приподнимает, а возвышает образ простого труженика. В обеих народных сказках, послуживших для поэта

источником, работник выглядит или глуповатым, или настоящим жуликом. Когда хозяин, например, послал его за коровой, он привел в хлев медведя: не способен даже отличить медведя от коровы. Автор без внимания оставил концовку народных сказок, где работник подстроил так, что хозяин топил свою жену, а затем герой обманом попадает в царский дворец, где жульничает и распутничает.

Пушкин берет из источника только один, наиболее значимый эпизод, подробнее и глубже разрабатывает его, чтобы рельефнее высветить характер. Неоднозначен и образ рыбака. Добрый, трудолюбивый старик, живущий в гармонии с природой, удовлетворяется малым в жизни, но при его безропотной покорности во всем потакает злой и жадной жене и тем самым невольно способствует умножению зла.

Носители темных сил - жадная старуха, повариха с ткачихой, царица-мачеха, царь Додон - не так уж страшны, когда им противостоят нравственно здоровые, сильные люди, полные добра и благородства.

Пушкин не только использует, но и обогащает, разнообразит художественные приемы народной сказки. Свойственные ей многократные повторения описаний, монологов, диалогов видоизменяет, чем добивается большего разнообразия. Так, в поисках своей возлюбленной королевич Елисей обращается с просьбой о помощи то к солнцу, то к луне, то к ветру. Но по форме каждый раз его обращение иное, хотя по содержанию одно и то же. Точно так же многократно повторяется одна и та же беседа Гвидона и Салтана с купцами, но стилистически реплики эти не одинаковы. Четырежды, например, повторяет Гвидон пожелание доброго пути купцам:

Добрый путь вам, господа,

По морю по окяну

К славному царю Салтану...

Но при этом четвертая строка принимает каждый раз иные стилистические формы:

1. ... от меня ему поклон.

2. ... Да скажите: князь Гвидон

Шлет царю-де свой поклон.

3. ... Да скажите ж: князь Гвидон

Шлет-де свой царю поклон.

4. ... Да напомним ему, государю своему:

К нам он в гости обещался,

А доселе не собрался —

Шлю ему я свой поклон.

Но Гвидон на этот раз не полетел с купцами в облинии комара, и тому была важная причина:

Дока на сев раз остался

И с женою те расстался.

Кажется, совсем небольшая разница между репликами Гвидона, особенно между второй и третьей. Но и эти незначительные отличия избавляют читателя от ощущения однообразия. При встрече с царем Салтаном купцы рассказывают каждый раз о новом чуде на острове. А при последней встрече они вновь сообщают сразу о всех чудесах: об острове, белке, богатырях, о необыкновенной жене Гвидона. Но о каждом чуде теперь рассказывают короче, с незначительными стилистическими изменениями. Когда же царь Салтан прибывает на остров и видит своими глазами все чудеса сразу, то они рисуются опять в несколько ином стилистическом ключе.

Три сказки Пушкина начинаются традиционно, как народные: «жил-был» (о попе, рыбаке и рыбке, золотом петушке). Две из них завершаются тоже традиционно: пиром на весь мир с участием автора. Очень краткой моралью завершаются три другие сказки: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною»; «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок».

Еще проще, значительно выразительнее и глубже по смыслу концовка «Сказки о рыбаке...». Недаром разбитое корыто вошло в поговорку и применяется при разных обстоятельствах.

Поэт всюду соблюдает чувство меры, создает гармоничный сплав из слов, дел и душевных движений героев, их монологов, реплик и жестов.

В изобразительных средствах он предельно экономен. В сказках почти нет метафор. Эпитеты самые простые, обычные для народного творчества: небо и море синие, снег белый, зимою вьется вьюга и т. п. Предельно кратки пейзажные зарисовки. Несмотря на это у читателя они вызывают картины, тесно связанные с образами и чувствами героев:

В синем небе звёзды блещут;
В синем море волны хлещут,
Тучка по небу идет,
Бочка по морю плывет.
...Вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.

Еще более скуп Пушкин в обрисовке характеров, в выявлении чувств. Из трех сестер только младшая называет царя батюшкой. Но и этим выразилась, ее особенная душевность и нежность. А другая царица?

На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,

Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Безмерная ее радость, восхищение и душевное богатство выражены одним словом, вернее, только суффиксом — ешеньк. А какой эффект получился! Попробуйте заменить это слово обычной его формой (тяжело вздохнула) - и сразу все бледнеет. И в то же время форма эта в высшей степени народна.

А вот характеристика новой жены того же царя, предельно краткая, выразительная:

Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,

И умом, и всем взяла.
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и, ревнива.

Все слова и обороты - из фольклора, чисто народные, как будто цитаты из народной сказки или песни или же течет свободная речь из уст сказочника. Герои пушкинских сказок отличаются необычайной душевной деликатностью, благородством и нравственной чистотой, свойственной лучшим представителям русского народа. Они умны, хорошо разбираются в людях, решительны в действиях, чисты в помыслах, цельные и сильные натуры. В сказках совершается четыре брака. Герои при этом поступают с величайшей ответственностью, ведут себя на самом высоком нравственном уровне. Как будто не задумываясь женится царь Салтан на простой девушке, так как та обещала осуществить, видимо, давнишнюю его мечту о сыне-богатыре. И он не зря поверил ее словам: не обманулся.

Другой царь, видимо, в любви и согласии жил с первой женой, иначе царица не умерла бы от восхищения при встрече с ним после разлуки. Без горячей любви и царь не был бы «долго... неутешен» и его год не прошел бы «как сон пустой».

Царевна Лебедь, прежде чем удовлетворить последнее и самое важное желание Гвидона, изложила пред ним кодекс народной семейной жизни, требования к жениху и призвала его пораздумать обо всем, чтоб «не раскаяться б потом». Князь дает клятву и просит у матери благословения «жить в совете и любви». Каким чисто русским духом веет от этих строчек!

Пушкин не обходит некоторые интимные вопросы, реалистически, просто говорит о них, без намеков и без натуралистических подробностей или смакования. Сделав неожиданное предложение третьей сестрице, которая ничуть этому не удивилась, царь Салтан откровенно говорит ей: «И роди богатыря мне к исходу сентября». Понятно, что их встреча произошла накануне Нового года. Описав свадебный пир, автор добавляет:

А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних...

А царица молодая,
Дела вдаль не оставляя,
С первой ночи понесла.

Так же решительно поступил и их сын, когда наступил срок женитьбы:

Князь недолго собирался,
На царевне обвенчался;

Стали жить да поживать
Да приплода поджидать

Какую неожиданную трансформацию получило обычное в таких случаях выражение из народной сказки: «Стали жить-поживать да добра наживать»! И рассказано об этом так просто, без жеманства, нравственно и целомудренно, как могли без намеков и натуралистических подробностей говорить в народе. Нет никакой опасности, когда об этом читают дети. Обычно эти места не вызывают с их стороны каких-либо вопросов или недоумения.

Каждое слово в сказках точно обозначает то понятие или явление, какое нужно было выразить. И только этим единственным словом из числа многих можно наиболее полно и рельефно выразить мысль или создать картину. Сочетаниями из двух-трех слов создается картина, художественный образ, вызывающий эмоции, личностное отношение читателя к описываемому.

Стих ровный, гладкий, но не прилизанный. Как будто льется обычная речь, без запинок или натяжек, ведется безыскусственное, занимательное повествование, разворачивается интересный, интригующий сюжет.

В сказках много мест, образов, событий, сцен и деталей, созданных как будто в расчете на восприятие самых маленьких читателей. Например:

Ветер по морю гуляет

Он бежит себе в волнах

И кораблик подгоняет;

На поднятых парусах.

Слова «гуляет», «кораблик», «бежит себе» попали сюда как будто из речи дошкольников. Они делают картину до осязаемости рельефной и ласково-теплой.

А чего стоят волшебные картины и превращения Гвидона в комара. Лебеди в царевну, проснувшейся в гробу царевны, старухи то в дворянку, то в царицу. Сказочные картины и события: белочка, грызущая золотые орехи с изумрудными ядрами, богатыри, выходящие из моря, дивное яблочко, гроб хрустальный, королевич Елисей, запросто разговаривающий с солнцем, луной и ветром, появление семя братьев и многое, многое другое - не для малышек ли все это выдуманно, хотя интересно и для взрослых, ибо полно философской глубины, житейского смысла, очарования и прелести. Нет, не для детей их писал поэт! Он просто уловил дух народной сказки и довел ее до невиданного совершенства и тем самым, независимо от своего намерения, воплотил особенности детской литературы. Поэтому-то всеми своими сторонами сказки его близки детям, воздействуют на их нравственность и эстетические чувства, вызывают восхищение, настраивают душу на гармонический лад, создают настроение удовлетворенности и душевного блаженства, побуждают мечтать и фантазировать, не отрываясь от реальной жизни.

Лирика Пушкина для подростков и юношества. Очарованных сказками малышек в подростковом возрасте ожидает встреча с лирикой великого поэта, изобилующей чувствами и мыслями. Не только в лирике, но и во всем творчестве Пушкина почти нет произведений, чтение которых было бы преждевременным в подростковом и юношеском возрасте. Разве только такие стихотворения, как «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем», «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу», доступны в более зрелом возрасте. Не все юноши увлекутся некоторыми его историческими произведениями, такими, как «История Пугачева», «История Петра», незаконченными повестями, набросками, публицистическими статьями или письмами.

Точности и краткости, обилия мыслей требовал поэт от прозы, сам всегда добивался «нагой простоты», избегал условных и обветшалых украшений, напыщенности.

Почти вся лирика его - мудрая беседа с юношеством. Возражая тем, кто считал, что произведения Пушкина трудны для понимания, Гоголь утверждал, что они «так резко ослепительны, что их способен понимать всякий». И дальше: «Как бы им не быть доступными всем! Они так просто возвышенны, так ярки, так пламенны, так сладострастны и вместе так детски чисты». Даже произведения зрелой поры, пронизанные философскими раздумьями о сущности жизни, отличаются, по словам Гоголя, удивительной простотой и вместе с тем «сильнее и просторнее раздвигают душу, а особенно в юности».

Вслед за Гоголем Белинский, показав огромное значение произведений Пушкина для воспитания детей и юношества, составил целый список его стихотворений для чтения.

В 1856 г. Н. Г. Чернышевский написал специально для детей и издал книгу о поэте, в которой призывал юных читателей «ближе познакомиться с жизнью Пушкина и его сочинениями», рельефно представил в ней «трудолюбивую, благородную и могучую личность

поэта», а в приложении поместил большое количество стихотворений и отрывков из поэм для детского чтения.

Традиции революционных демократов развивались прогрессивной критикой и педагогикой второй половины XIX и начала XX века. В годы Советской власти осуществилась пророческая мечта великого поэта о всеобщей популярности его творчества среди всех народов «Руси великой». Выдающийся поэт А. Твардовский отмечал, что лирика Пушкина созвучна нравственным и эстетическим потребностям нашей эпохи, особенно духовным потребностям советской молодежи.

В творчестве Пушкина немало таких стихотворений, которые доступны читателям младшего возраста и даже дошкольникам. Они начали входить в круг детского чтения еще при жизни поэта, о чем свидетельствуют воспоминания, относящиеся к 20 - 30-м годам XIX века. Ярко об этом рассказывал, например, А. И. Герцен, другие деятели русской культуры.

Начиная с конца 50-х годов XIX века Пушкин входит в гимназические программы. С книгами Ушинского «Детский мир» и «Родное слово» пришел в начальные классы. С этих пор произведения поэта никогда не покидали школьные стены. В советские годы они читаются с 1 по 8 класс как подлежащие обязательному изучению и заучиванию наизусть.

По своей идейной значимости из первое место для современных подростков следует выделить свободолюбивую лирика. Это «К Чаадаеву» (1818), в котором выражается надежда, что взойдет «звезда пленительного счастья», содержится призыв посвятить отчизне «души прекрасные порывы». Это послание к декабристам «Во глубине сибирских руд», наполненное сочувствием томящимся на каторге первым русским революционерам; с этим произведением советские школьники знакомятся еще в 6 классе. Чуть позже, в зависимости от начитанности и развития, школьникам могут быть доступны такие стихотворения, как «Кинжал» (1821), «В. Л. Давыдову» (1821), «Андрей Шенье» (1825) и другие произведения подобного содержания. Затем следуют произведения, направленные против крепостничества, воспевающие разум и знания. Это ода «Вольность» (1817), «Деревня» (1819), «Вакхическая песнь» (1825), «Узник» (1822) и др.

Стихотворения любого талантливого поэта трудно и даже невозможно рассортировать по тематическим, идейным и другим рубрикам. Более всего это касается Пушкина, в особенности же его лирики. Даже небольшие миниатюры, состоящие из 4—8 строк, иногда имеют насыщенные драматизмом сюжеты, неоднозначные и сложные чувства и настроения затрагивают разнообразные вопросы. В них частица богатого душевного мира великого поэта. Все же в каждом из них можно видеть ведущую тему, главную идею, которые дают право отнести его в определенную рубрику. Еще труднее их анализировать. По словам Гоголя, «никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выражения, как Пушкин». Он отличается необыкновенным искусством «немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет так отточен и смел, что иногда один заменяет целое описание». Слова его точны, объемны, многомерны. Но соединясь вместе в предложения, в целые строфы и стихотворения, они становятся еще богаче, влияют на соседние слова, придают им новые оттенки, обогащают их. Все это образует такую гармонию, которая производит наиболее полное впечатление при восприятии и создает настроение, не всегда поддающееся выражению и объяснению. Восхищаясь этим свойством пушкинского гения, Л. Н. Толстой говорил: «Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается».

Лирические стихотворения Пушкина многослойны. Читатель каждого возраста берет из них свое, исходя из своих возможностей: начитанности, умственного и эстетического развития, душевного состояния, постигает доступную ему идейную глубину, чувствует гармонию.

Руководя чтением поэзии Пушкина, не следует пытаться вести детей через все слои стихотворения, проникать в его глубину. Педагоги Древней Руси считали, что добрый молодец (читатель, ученик) подобен пчеле: из каждой книги он берет столько, сколько способен впитать в себя и унести. Важно, чтобы содержание стихотворения нравилось ему, гармония и музыка задевали его душу.

Из 695 стихотворений великого поэта примерно третья часть (225 стихотворений) доступны и интересны читателям детских и юношеских библиотек.

К политической и вольнолюбивой лирике тесно примыкают стихотворения о России, ее славе и доблести, направленные против её врагов; о Петре I, русских полководцах, величайших сражениях и победах.

Перед отроческим и юношеским взором вереницей проходят победы Олега («Олегов щит»), Бородинская битва («Бородинская годовщина»), великий полководец, выигравший эту битву, «маститый страж страны державной, смиритель всех её врагов» («Перед гробницею святой»), ликующий победный русский флот («Чу, пушки грянули!»), «лица полные отваги... начальников народных наших сил», покрытые «славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года» («Полководец»). Радуюсь победам России, поэт с гневом обрушивается на ее врагов («Опять увенчаны мы славой», «Дон», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина»). Он прославлял любимого героя русской истории Петра I, привлекавшего правдою сердца, укрощавшего дикие нравы наукой, просвещением («Стансы»), видел в нём вечного работника: то героя, то мореплавателя, то плотника.

Стихи о России, ее славе, победах и великих героях наполнены бодрыми чувствами, ощущением силы, мажорны по строю, ритмике и звучанию, вселяют в юных читателей уверенность, воспитывают гордость за прошлое, наполняют их патриотическим чувствами.

Этим же целям служит и пейзажная лирика. При работе с ней следует помнить, что дети, как правило, пропускают встречающиеся в прозе описания природы. Лучшее средство для преодоления детского невнимания к таким картинам - пейзажная лирика великого поэта. Русская природа показана в ней в разнообразных проявлениях, во всей своей многоцветной, вечно сияющей красоте. Безмерно любя осень, как время наивысшего творческого подъема и вдохновения, посвящая ей самые проникновенные строки в целом ряде произведений, больше всего стихотворений он все же написал о русской зиме. Это и знаменитое «Зимнее утро» с морозом и солнцем, это и «Зимняя дорога», скучная с полосатыми верстовыми столбами, утомительно гремящим однозвучным колокольчиком. Его пейзаж тесно связан с человеком, с его чувствами, переживаниями и восприятием мира. Это и ящик, изливающий в своих долгих песнях «то раздумье удалое», то сердечную тоску, это и «добрая подружка» няня с ее народными песнями о синице, жившей за морем, или о девице, которая «за водой поутру шла». Природа в них одухотворяется и олицетворяется: буря ведет себя то как зверь, то как дитя, то как путник запоздалый. Природа в лирике Пушкина динамична, находится в постоянном движении, меняет свои краски, запахи, рисуется в гармоничном взаимодействии всех ее составляющих.

Не менее разнообразна и морская «свободная стихия» («Море»). Нежной любовью к родной природе, своей связью и причастностью к ней поэт рисует окружающий мир. Как свое обиталище и повод для глубоких размышлений и ассоциаций все живое радует его, находит отзвук в душе, напоминает о человеке. Будь то чижик в неволе, продолжающий свои привычные занятия («Забыв и рощу и свободу»), или резвый и веселый олень, выбежавший от внезапного звука на берег Днепра («Шумит кустарник»), своенравно скачущая по гладкому и широкому полю кобылица («Как быстро в поле, вдруг открытом...»), вылетающая из душевной клетки медовой первая пчелка («Еще дуют холодные ветры...») или же сорока, скачущая под калиткой («Стрекотунья белобока...»), будь то выпущенная на волю птичка («Птичка») или же клюющий под окном свою кровавую пищу орел («Узник») - все живое запечатлено точным словом, в его естественном поведении, с любовью в душе и зовет к глубоким раздумьям.

«И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа... Он русский с головы до ног; все черты нашей природы в нем отозвались и все окинуто иногда одним словом, одним чутко найденным и метко прибранным прилагательным», - говорил Н. В. Гоголь.

С такой же любовью, пониманием и точностью показаны Пушкиным картины не только родной ему русской, но и кавказской природы («Кавказ», «Обвал», «Меж горных стен несется Терек...», «Страшно и скучно...»). Это не просто пейзажные зарисовки. При их чтении возвышается дух человека, напрягаются и наливаются новой силой его мускулы. Как точно отметил это Н. В. Гоголь: «Он на Кавказе - вольный горец в полном смысле этого слова». Пейзажная лирика Пушкина не только воспитывает любовь к природе, желание беречь и лелеять все растущее и живущее в ней, но и развивает в юном читателе тонкие эстетические

чувства, способность наблюдать и выражать эти наблюдения точным словом. Она умножает нравственную и духовную энергию человека, заставляет думать о мире и жизни.

Важнейшее место в лирике Пушкина отведено теме дружбы. Природа и дружба занимали центральное место среди немногочисленных компонентов поэтики сентиментализма, но решались они однообразно, далеко от реальных черт, картин и чувств. Это была дружба с вздыханиями, а любовь почти всегда грустная, на слезах замешанная. Не менее далеко уходили от земных чувств и романтики, когда рисовали нереальные бурные или идиллические страсти, пусть даже очень тонкие и нежные.

Пушкин впервые так широко и правдиво показал земную дружбу и земную любовь со взлетами и перепадами, с богатейшими оттенками. В его стихах чувства эти находятся на разных ступенях зрелости, свойственны людям всех возрастов, от 14-летнего отрока и до зрелого мужа, кто не имеет права «волнениям любви безумно предаваться», а может только глазами следовать за юной красавицей.

Поэт проявляет редкостное понимание человеческого сердца любого возраста - и подростка, и юноши, и влюбленного и любимого, и отвергнутого и разочарованного. Все тончайшие изгибы человеческой души ведомы и подвластны ему и поддаются его точному обозначению. Не менее 40 стихотворений на эти темы доступны и желательны для чтения подросткам и юношам. Они составляют высшую школу воспитания тончайших душевных чувств, благоговения перед другом, наслаждения и гордости дружбой и любовью как высшим счастьем бытия. В стихах Пушкина впервые так ярко и глубоко воспета мужская дружба, зарождающаяся с детских лет и верно хранимая многие годы.

Доброжелательность, высокое мнение о своих друзьях детства, верность этой дружбе, какая-то особая мужская деликатность при немногословии, горечь от невозможных утрат, мужественная скорбь об оказавшихся в тяжелом положении, гордость за удачливых — все оттенки этого благороднейшего человеческого чувства пронизывают его лирику. Особое место занимают среди них дружеские послания собратьям по перу: В. Жуковскому, К. Батюшкову, П. Катенину, Д. Давыдову, А. Дельвигу, П. Вяземскому, И. Козлову. Дружба с ними имеет особый характер: в посланиях к ним поднимаются творческие вопросы. Поэт делится с друзьями своими замыслами, оценивает дарование своих коллег.

Иной характер имеют послания к тем друзьям, кто живет «не знаясь с Аполлоном», к своим единомышленникам и ближайшим родственникам: брату Льву Сергеевичу, сестре Ольге, дяде Василию Львовичу, П. Чаадаеву, И. Пущину, декабристам, Н. Ломоносову, А. Горчакову, В. Давыдову, Е. Киселеву, П. Осиновой и другим. В них раскрываются новые грани богатейшего душевного мира поэта: самые теплые и благородные дружеские чувства, преданность, беспредельное уважение, понимание человека, его дел забот, сочувствие и сострадание. И при этом везде он остается трезвым реалистом, земным человеком, равно осуждает и ветреных стариков, и юношей степенных («К Каверину»), но каждому желает добра и счастья:

Дай бог, чтоб грозной непогоды

Вблизи ты ужас не видал,

Чтоб бурный вихорь не вздувал

Пред челноком шумящи воды.

Себе он требует от друзей совсем немного - чтобы чаще вспоминали его, говоря:

Дай бог ему веселья!

Он в жизни хоть любить умел.

К Н. Г. Ломоносову

Уметь любить для Пушкина - высший дар, мера душевного богатства и нравственной чистоты. Этому могут учиться у него и юные читатели.

В наиболее полной мере эти чувства проявляются в его послании к женщинам и в любовной лирике. Встреча с любимой женщиной для него «чудное мгновенье»; любимая женщина — «гений чистой красоты», «чистейшей прелести чистейший образец», святыня красоты, перед которой он немеет, «благоговевя богомольно». Все оттенки любовной страсти, от робкого безмолвного восхищения до взаимного и бурного единения, дышат нравственной

чистотой, искренностью и непорочностью. Никто ни до, ни после него так не писал о любви, не возвеличивал это чистое и возвышенное чувство, не благоговел перед женщиной.

Давно стали хрестоматийными строки:
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Больше, чем о любви, Пушкин писал о поэзии. И это тоже о любви. Стихотворения о красоте, искусстве, такие, как «Кипренскому», «Везувий зев открыл — дым хлынул клубом, пламя...», посвященное картине Брюллова «Последний день Помпеи», «Художнику» и др., составляют энциклопедию поэтического искусства, школу эстетического воспитания. Н. В. Гоголь писал, что «все сочинения его - полный арсенал орудий для поэта. Ступай туда, выбирай себе всяк по руке любое и выходи с ним на битву». Именно эти стихотворения могут быть руководством для поэтов, а читателям-детям дадут представление о взглядах Пушкина на литературу, на поэзию, воспитают любовь к ней.

В круг чтения подростков и юношей можно включить по меньшей мере 45—50 стихотворений Пушкина о поэзии, которые писались им в продолжение всего творческого пути, начиная от первого печатного произведения «К другу стихотворцу» (1814) и кончая «Памятником» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1.836). Во всех подобных произведениях проходит главная мысль о роли поэзии, о великом предназначении поэта и его ответственности перед читателями.

Уже в первом печатном стихотворении Пушкин призывает своего друга-стихотворца страшиться «участи бессмысленных певцов», которые заслуживают награды от Аполлона «спасительной лозою». Юноша Пушкин утверждает, что «не тот поэт, кто рифмы плесть умеет», а те, что «питают здоровый ум и вместе учат нас», что путь поэта - тяжелый путь. Ссылаясь на положительные примеры Дмитриева, Державина и Ломоносова как на бессмертных певцов, он говорит и о тех, кто пишет вздор и чьи гибнут книги, «на свет едва родясь».

Далеко не все поэты счастливы. Знаменитыми они становились после смерти, а при жизни оставались нищими: «Их песнь - ряд горестей, а гремяща слава - сон» (Руссо, Камознс и другие). Если в первых стихах утверждается, что покой в жизни вдвойне дороже славы, то в «Памятнике», подводя итог своему творчеству, поэт трактует славу уже иначе: она не является самоцелью, а наполняется новым содержанием. Поэт имеет право претендовать на известность в том случае, если защищает коренные интересы масс, воспекает свободу и своей лирой «чувства добрые» пробуждает. Уже в лицейских стихах он признавал воспитательные возможности поэзии. В послании «К Батюшкову», который был на 12 лет старше Пушкина-лицейста, он призывает собрата по перу воспевать вместе с В. Жуковским «кроваву брань и грозну смерть» на ратном поле, осмеивать и разить порок и, вооружась «сатиры жалом», разоблачать смешное, чтобы исправлять читателей.

В каждом стихотворении о поэзии Пушкин касается излюбленной темы с какой-нибудь новой стороны. Так, в послании «Князю А. М. Горчакову» излагаются некоторые принципы реализма («напыщенными стихами, набором громкозвучных слов... петь пустое» не умеет, а пишет «своим складом»). В послании Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью», 1817) рассказывает о раннем пробуждении поэтического дара, когда «богини песнопения в его младенческую грудь вливали искру вдохновения», в результате чего

...лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел.

И словно предвидя обстановку последних лет своей жизни и предваряя посвященные ему лермонтовские строки, с горечью констатировал:

Как рано завести привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал.

Позднее, обращаясь к тому же адресату («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...», 1826), объявляет своим кумиром одну свободу и «счастливый голос» друзей-поэтов.

К произведениям о поэзии примыкают стихотворения автобиографического характера, из которых перед нами встает образ творца с его родственными связями, волнениями, мыслями, с чистотой сердца и помыслов, с горячими дружественными и гуманными чувствами доброжелательного человека с открытой душой. Это прежде всего стихи, посвященные лицейским годовщинам: «19 октября» (1825), «19 октября 1827», «Чем чаще празднует Лицей» (1831), «Была пора; наш праздник молодой» (1837); наконец, стихи, посвященные Михайловскому и его окрестностям, начиная от «Простите, верные дубравы» (1817) до «Вновь я посетил...» (1835); «Воспоминания в Царском Селе» (1814), «В начале жизни школу помню я» (1830), «Моя родословная» (1830), «Осень» (1833), «Я возмужал среди печальных бурь» (1834), а также другие стихи этого ряда: «Няне» (1826), «Талисман» (1827), «Дорожные жалобы» (1829)... Конечно, нельзя все эти стихи считать только автобиографическими. В них наряду с фактами и событиями из личной жизни поэта много разнообразных чувств и размышлений, к которым примыкают стихотворения философского характера о сущности жизни. В них достаточно бодрости, жизнелюбия, осознания сложности бытия, признания неотвратимости его законов, призывов не сосредоточиваться на тяжелом, унылом («Если жизнь тебя обманет», 1825).

Стихотворения, в которых осуждаются мелочная суетность, лицемерие и ложь так называемого света, который «не карает заблуждений, но тайны требует для них» («Когда твои молодые лета...», 1829; «Отпет анониму», 1830; «В альбом А. И. Смирновой», 1832; «На выздоровление Лукулла», 1835; «Не знаю где, но не у нас»), вполне доступны старшим подросткам и юношам, побуждают задуматься о жизни, критически, посмотреть на себя и свое окружение, укрепляют веру в победу добра и света.

Наконец, разнообразные сюжетные стихи - из них найдет себе по вкусу читатель любого возраста, от дошкольников и до юношей («Песнь о вешем Олеге», «Казак», «Черная шаль», «Утопленник», «Ворон к ворону летит», «Клеопатра», «Калмычка», «Жил на свете рыцарь бедный», «Делибаш», «Сапожник», «Гусар», «Будрыс и его сыновья», «Воевода» и др.), - дают право считать, что в настоящее время многие лирические стихотворения великого поэта вполне можно рекомендовать детям разных возрастов и юношеству.

В работе по пропаганде лирической поэзии среди читателей среднего возраста лучшей формой и методом являются кружок поэзии и поэтические встречи. При этом необходимо учить детей читать стихи медленно, обдумывая и чувствуя, дать возможность уловить гармонию пушкинского стиха и помочь проникнуть в суть его содержания.

Из поэм, драматических, прозаических произведений подросткам и юношам доступны все главнейшие произведения поэта — «Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Русалка», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», романтические поэмы: «Полтава», «Евгений Онегина».

Хотя некоторые из этих произведений входят в школьные программы, но с юношеством полезно вновь вернуться к ним, на новом уровне, и дать возможность почувствовать всю прелесть, философскую глубину пушкинских шедевров. Каждый читатель найдет в его творчестве то, что его интересует, что его волнует, что созвучно его мыслям, чувствам и настроению.

Работа с произведениями Пушкина требует высокой культуры, тонкого понимания поэзии, умения тактично руководить чтением, не насилуя душевный мир ребенка, не разрушая впечатление, полученное от первого чтения, умения закреплять эти впечатления осторожными пояснениями.

Пушкин сопровождает русского человека в течение всей его жизни. И сколько бы ни читали его, как бы глубоко ни размышляли при чтении его произведений, еще останется немало того, что даст пищу для размышления в более зрелые годы. Он с нами, наш современник, на всех этапах нашей эпохи.

Замечательный советский поэт Эдуард Багрицкий в годы гражданской войны не только читал его стихи:

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,

Покрытый вшами, голоден и бос.
И вольный пламень в сердце закипал.
И в свисте пуль, за песней пулеметной,
Я вдохновенно Пушкина читал!

Этим он выразил отношение к великому поэту своего поколения, эпохи гражданской войны.

В годы Отечественной войны в солдатских вещмешках и в офицерских планшетах наряду с картами боевых действий хранились томики Пушкина. Об одном из таких случаев рассказано на страницах одной из газет. Выхваченный из пламени горящей сельской библиотеки томик Пушкина молодой офицер пронес через всю войну, сохранив целиком «Евгения Онегина». Разброшюрованный на отдельные тетради, роман читали в окопах, на привалах, в перерывах между боями. Отрывки из него помещались в боевых листках (во фронтовых стенгазетах) наряду с сообщениями о боевых действиях и героических подвигах.

В дни жарких боев и летнего зноя особой популярностью пользовались и заучивались наизусть строки с описанием русской зимы. Они вызывали в воображении бойцов картины родных мест и заряжали их мужеством и стойкостью для защиты русской земли.

Пушкин помогает нам и в мирное время. Важно, чтобы любовь к его произведениям воспитывалась в читателях с детских лет. А то, что получит человек в детские годы, сохранится в нем на всю жизнь.

П.П. Ершов. Автор сказки «**Конек-горбунок**» Петр Павлович Ершов родился в Сибири в 1815 году. В детстве он слушал сказки сибирских крестьян, многие запомнил на всю жизнь и сам хорошо их рассказывал. Ершов очень полюбил народные сказки. В них народ остроумно высмеивал своих врагов - царя, бояр, купцов, попов, осуждал зло и стоял за правду, справедливость, добро. Ершов учился в Петербургском университете, когда он впервые прочитал замечательные сказки Пушкина. Они тогда только что появились. И он тут же задумал написать своего «Конька-горбунка» - веселую сказку о смелом Иванушке - крестьянском сыне, о глупом царе и о волшебном коньке-горбунке. Многие взял Ершов для «Конька-горбунка» из старинных народных сказок.

Сказка была напечатана в 1834 году. А. С. Пушкин прочитал и с большой похвалой отозвался о «Коньке-горбунке».

Сказка «Конек-Горбунок» П.П. Ершова (1815-1869) - произведение уникальное в русской детской литературе. Ярко сверкнувший талант в единственной книге девятнадцатилетнего сибиряка явился живым свидетельством огромных творческих сил народа.

Эта сказка появилась в 1834 году, в нору, когда свое слово о народности сказали все видные литераторы и критики. Однако «Конек-Горбунок» вызвал новую волну споров на эту тему. В.Г. Белинский отказал сказке даже в достоинствах «забавного фарса», журнал «Отечественные записки» ругал сказку за отсутствие народности в вымысле, за «рифмованные нелепости» и «площадные» выражения. Цензуре же показалось опасным сатирическое изображение русского царства. Однако Ершова и его сказку горячо поддержали те, кто понимал народность более широко. Первым «благословил» «Конька-Горбунка» профессор изящной словесности (так тогда называли художественную литературу) Санкт-Петербургского университета П.А.Плетнев: он однажды прочитал сказку студентам вместо лекции и назвал имя ее автора. Крупнейшие поэты-сказочники поддержали талантливого юношу: Жуковский заметил, что это не только побасенка для детей, а Пушкин отозвался высокой похвалой («Ваша сказка - настоящая сокровищница русского языка!.. Вы избрали правильный путь. Теперь этот род сочинений можно мне и оставить... А сказку вашу издать для народа. Миллион книжек!., с картинками и по самой дешевой цене...»). Сам Ершов признавался: «Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилу. Зазвенела родная, и русское сердце отозвалось».

Однако на пути «Конька-Горбунка» к народу было и немало препятствий: сказка то запрещалась, то уродовалась цензурой или выходила в нелепых переделках, вплоть до «Конька-летунка», на котором Иван обзревает Страну Советов. Несмотря на все это, «Конек-Горбунок» нашел дорогу к народу и попал даже в собрание народных сказок. Сказители стали по-своему сказывать его, употребляя те же стихи и выражения. Можно сказать, что Иванушка и Конек-Горбунок попали в число национальных героев-образов.

В круге детского чтения сказка появилась сначала как подцензурная переделка, а потом уже в настоящем виде. До сих пор она! остается одной из лучших сказок русского детства. Чуковский в книге «От двух до пяти» писал о ней: «Маленькие отвоевали ее у больших и навсегда завладели ею как драгоценною добычей, и тут только большим удалось разглядеть, что для детей это в самом деле хорошая пища - вкусная, питательная, сытная, способствующая их духовному росту». Ершовские стихи дети слышат задолго до того, как начинают читать. «Конек-Горбунок» воспринимается детьми сначала как сказываемая сказка, т.е. произведение скорее устное, чем книжно-литературное. Позднее они осознают!, что это именно литературная, авторская сказка.

Стихи легко читаются и запоминаются благодаря основному стихотворному размеру четырехстопному хорею, простым и звучным рифмам, парной рифмовке, обилию пословиц, поговорок, загадок. Любое описание само западает в память: глаголы в нем играют первую роль, выразительное движение скрепляет яркие детали в цельный, явственно видимый образ:

Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой.
Хвост струился золотой,
И алмазные копыта
Крупным жемчугом обиты.

Слова летят одно за одним, не вызывая задержки или перебивки дыхания. Синтаксически фразы строятся просто и естественно, поэтому даже архаизмы и простонародные выражения не затрудняют восприятие (например: «И возьми же ты в расчет Некорыстный наш живот», т. е. небогатую жизнь).

Стремительно движется действие в сказке, останавливаясь только перед чем-нибудь прекрасным, или чудесным, замедляясь на моментах троекратных повторов. Вся Русь проносится под копытами волшебного конька: столица и деревни, заповедные леса и распаханное поле, западный и восточный берега... Даже этого мало, чтобы объять величественное пространство русского царства, - и Иванушка подымается в небесное царство, но и над теремом Царь-девицы он видит православный русский крест. Чудо-юдо рыба-кит повелевает морским народом, как какой-нибудь российский наместник-губернатор. В& небе, на земле, под водой - всюду «русский дух». Только однажды показывается край родной земли:

У далеких немских стран
Есть, ребята, океан.
По тому ли океану
Езят только басурманы.
С православной же земли
Не видали николи.

Многочисленные герои, даже едва мелькнувшие, запоминаются сразу; их характер, речь отличаются единым национальным окладом и вместе с тем индивидуальностью. На всем протяжении повествования звучит голос народа: действие нередко выносится на площадь, и шумную толпу. Все в сказке подчинено стихии народной жизни. Сказку эту можно назвать лирической эпопеей крестьянской России, настолько велик в ней охват действительности и глубока «мысль народная» (понятие Л.Н.Толстого).

Ещё одна отличительная черта «Конька-Горбунка» - сочетание трёх основных типов народной сказки: волшебной, сатирической и сказке о животных. К элементам волшебной сказки относится всё чудесное и прекрасное. Сатирическая сказка проявляется в обрисовке Иванушки-дурака, братьев, царя, спальника, отчасти и Царь-девицы. Сказка о животных представлена широко известным лубочным сюжетом «Ерш Щетинникович» - в описании подводных владений.

Важно заметить, что Ершов опирается на свое знание сибирского фольклора, отличавшегося от фольклора европейской части России большей внутренней раскрепощенностью, живым и бойким смехом, социальной направленностью, и все же в собраниях сибирских народных сказок нет ни Конька-Горбунка, ни Рыбы-кита, да и ершовская Царь-девица непохожа на сибирских сказочных героинь. Заслугой автора можно считать создание этих героев, легко вошедших в круг фольклорных персонажей.

Условное эпическое пространство Руси в «Коньке-Горбунке» существует в условном же времени: здесь смешаны черты разных веков; XV до XIX. Обобщен поэтом и русский национальный характер, его сильные и слабые стороны. Все герои, за исключением заморской Царь-девицы, представляют единый национальный тип. Все говорят на бойком, цветистом русском языке, дума-юг и переживают совершенно по-русски. Контрасты национального характера в изображении Ершова отвечают представлениям народа о себе самом: лукавый ум и наивность, лень и труд, здравый смысл и тупость, восхищение перед красотой и чудом и - насмешка над чудесами. Наиболее сильно выражен этот характер в образе Ивана. Глинистое отличие Ивана от других - открытое исповедание тех «неправильных» принципов, которым скрытно следуют на Руси все. Все герои лукавят, лгут, ищут собственной выгоды, совершают глупости, но прикрываются при том маской приличия и разумности. Иван же не скрывает ни своей «дурацкой мочи», ни личного расчета.

Пара главных героев составляет сердцевину всей системы образов. Иван и его игрушечка-конек имеют много сходства: младшие дети, антиподы «образцовых» старших, они тем не менее оказываются лучше, достойнее их. Удача сама идет к ним, и все им удастся. Их речи и дела утверждают народный идеал справедливое и и совестливое™. Конек-Горбунок не слуга, а верный товарищ Ивана, способный не только помочь, выручить, но и сказать горькую правду. В обоих есть нечто наивное, непосредственное, что делает их похожими на детей. Заметим, что по росту Конек-Горбунок немного выше кошки (два вершка), поэтому и Иван, сидящий на нем верхом, должен восприниматься читателем человеком очень небольшого роста.

Путешествуют Конек-Горбунок и Иван чаще всего поневоле, но свободный дух и веселый нрав позволяют им совершать невероятные подвиги. Благодаря раскрепощенному, «детскому» зрению Ивану удастся видеть невиданное, добывать неведомое. Инфантильность Ивана, как и царя, проявляется в способности беспечно обольщаться выдумкой, в бескорыстной тяге к красоте. От мужицкого здравомыслия не остается и следа, когда Иван едет навстречу чудесному огню. Любовь к затейливой сказке присуща всем, хотя и сочетается с трезвым чувством реальности (эпизод чтения сказки о прекрасной Царь-девице).

Главная героиня ершовской сказки совсем непохожа на русских фольклорных царевен, она вовсе не страдательное лицо. Ее происхождение - от «далеких немских стран», иными словами, ее образ другой художественной природы - из западных средневековых романов, сюжеты и герои которых прижились в народных лубочных книгах.

Три части сказки-эпопеи предваряются каждая эпиграфом. Многие эпизоды напоминают картинку со стихотворными комментариями (это и есть форма лубка).

В целом «Конек-Горбунок» написан в традициях русского райка - народного ярмарочного представления, сочетавшего стихотворную речь с игровым действием.

Окрыленный удачей «Конька-Горбунка», П.П.Ершов вынашивал грандиозный замысел поэмы «Иван-царевич» в десяти томах по сто песен в каждой, надеясь собрать все сказочное богатство России. Но тяготы повседневной жизни, заботы о многочисленном его семействе, оторванность от круга творческих единомышленников, не дали продолжить поэту свое восхождение на русский Парнас.

Конек-Горбунок. Русская сказка в трех частях. (1834).

В одном селе живет крестьянин. У него три сына: старший — Данило — умный, средний — Гаврило — «и так, и сяк», младший — Иван — дурак. Братья зарабатывают на жизнь тем, что выращивают пшеницу, отвозят ее в столицу и там продают. Вдруг случается беда: кто-то по ночам начинает вытаптывать посевы. Братья решают дежурить по очереди в поле, с тем, чтобы узнать, кто же это такой. Старший и средний братья, испугавшись холода и ненастья, уходят с дежурства, так ничего и не выяснив. Когда же приходит черед младшего брата, он идет в поле и видит, как в полночь появляется белая кобылица с длинной золотой гривой. Ивану удастся вспрыгнуть кобылице на спину, и она пускается вскачь. Наконец, устав, кобылица просит Ивана отпустить ее, обещая родить ему трех коней: двух — красавцев, которых Иван, если захочет, может продать, а третьего — конька «ростом только в три вершка, на спине с двумя горбами да с аршинными ушами» — Ивану нельзя отдавать никому ни за какие сокровища, потому что он будет Ивану лучшим товарищем, помощником и защитником. Иван соглашается

и отводит кобылицу в пастушеский балаган, где спустя три дня кобылица и рождает ему трех обещанных коней.

Через некоторое время Данило, случайно зайдя в балаган, видит там двух прекрасных золотогривых коней. Вдвоем с Гаврилой они решают тайком от Ивана отвести их в столицу и там продать. Вечером того же дня Иван, придя, как обычно, в балаган, обнаруживает пропажу. Конек-Горбунок объясняет Ивану, что произошло, и предлагает догнать братьев. Иван садится на Конька-Горбунка верхом, и они мгновенно их настигают. Братья, оправдываясь, объясняют свой поступок бедностью; Иван соглашается на то, чтобы продать коней, и все вместе они отправляются в столицу.

Остановившись в поле на ночлег, братья вдруг замечают вдали огонек. Данило посылает Ивана принести огоньку, «чтобы курево развесть». Иван садится на Конька-Горбунка, подъезжает к огню и видит что-то странное: «чудный свет кругом струится, но не греет, не дымит». Конек-Горбунок объясняет ему, что это — перо Жар-птицы, и не советует Ивану подбирать его, так как оно принесет ему много неприятностей. Иван не слушается совета, подбирает перо, кладет его в шапку и, возвратившись к братьям, о пере умалчивает.

Приехав утром в столицу, братья выставляют коней на продажу в конный ряд. Коней видит городничий и немедленно отправляется с докладом к царю. Городничий так расхваливает замечательных коней, что царь тут же едет на рынок и покупает их у братьев. Царские конюхи уводят коней, но дорогой кони сбивают их с ног и возвращаются к Ивану. Видя это, царь предлагает Ивану службу во дворце — назначает его начальником царских конюшен; Иван соглашается и отправляется во дворец. Братья же, получив деньги и разделив их поровну, едут домой, оба женятся и спокойно живут, не вспоминая Ивана.

А Иван служит в царской конюшне. Однако через некоторое время царский спальник — боярин, который был до Ивана начальником конюшен и теперь решил во что бы то ни стало выгнать его из дворца, — замечает, что Иван коней не чистит и не холит, но тем не менее они всегда накормлены, напоены и вычищены. Решив выяснить, в чем тут дело, спальник пробирается ночью в конюшню и прячется в стойле. В полночь в конюшню входит Иван, достает из шапки завернутое в тряпицу перо Жар-птицы и при его свете начинает чистить и мыть коней. Закончив работу, накормив их и напоив, Иван тут же в конюшне и засыпает. Спальник же отправляется к царю и докладывает ему, что Иван мало того, что скрывает от него драгоценное перо Жар-птицы, но и якобы хвастается, что может достать и самое Жар-птицу. Царь тут же посылает за Иваном и требует, чтобы он достал ему Жар-птицу. Иван утверждает, что ничего подобного он не говорил, однако, видя гнев царя, идет к Коньку-Горбунку и рассказывает ему о своем горе. Конек вызывается Ивану помочь.

На следующий день, по совету Горбунка получив у царя «два корыта белоярова пшена да заморского вина», Иван садится на конька верхом и отправляется за Жар-птицей. Они едут целую неделю и наконец приезжают в густой лес. Посреди леса — поляна, а на поляне — гора из чистого серебра. Конек объясняет Ивану, что сюда ночью к ручью прилетают Жар-птицы, и велит ему в одно корыто насыпать пшена и залить его вином, а самому влезть под другое корыто, и, когда птицы прилетят и начнут клевать зерно с вином, схватить одну из них. Иван послушно все исполняет, и ему удается поймать Жар-птицу. Он привозит ее царю, который на радостях награждает его новой должностью: теперь Иван — царский стремянный.

Однако спальник не оставляет мысли известить Ивана. Через некоторое время один из слуг рассказывает остальным сказку о прекрасной Царь-девице, которая живет на берегу океана, ездит в золотой шлюпке, поет песни и грает на гусях, а кроме того, она — родная дочь Месяцу и сестра Солнцу. Спальник тут же отправляется к царю и докладывает ему, что якобы слышал, как Иван хвастался, будто может достать и Царь-девицу. Царь посылает Ивана привезти ему Царь-девицу. Иван идет к коньку, и тот опять вызывается ему помочь. Для этого нужно попросить у царя два полотенца, шитый золотом шатер, обеденный прибор и разных сластей. Наутро, получив все необходимое, Иван садится на Конька-Горбунка и отправляется за Царь-девицей.

Они едут целую неделю и, наконец, приезжают к океану. Конек велит Ивану раскинуть шатер, расставить на полотнце обеденный прибор, разложить сласти, а самому спрятаться за шатром и, дождавшись, когда царевна войдет в шатер, поест, попьет и начнет играть на гусях,

вбежать в шатер и ее схватить. Иван успешно выполняет все, что велел ему конек. Когда они все возвращаются в столицу, царь, увидев Царь-девицу, предлагает ей завтра же обвенчаться. Однако царевна требует, чтобы ей достали со дна океана ее перстень. Царь тут же посылает за Иваном и отправляет его на океан за перстнем, а Царь-девица просит его по пути захватить поклониться ее матери — Месяцу и брату — Солнцу. И на другой день Иван с Коньком-Горбунком снова отправляются в путь.

Подъезжая к океану, они видят, что поперек него лежит огромный кит, у которого «на спине село стоит, на хвосте сыр-бор шумит». Узнав о том, что путники направляются к Солнцу во дворец, кит просит их узнать, за какие прегрешенья он так страдает. Иван обещает ему это, и путники едут дальше. Вскоре подъезжают к терему Царь-девицы, в котором по ночам спит Солнце, а днем — отдыхает Месяц. Иван входит во дворец и передает Месяцу привет от Царь-девицы. Месяц очень рад получить известие о пропавшей дочери, но, узнав, что царь собирается на ней жениться, сердится и просит Ивана передать ей его слова: не старик, а молодой красавец станет ее мужем. На вопрос Ивана о судьбе кита Месяц отвечает, что десять лет назад этот кит проглотил три десятка кораблей, и если он их выпустит, то будет прощен и отпущен в море.

Иван с Горбунком едут обратно, подъезжают к киту и передают ему слова Месяца. Жители спешно покидают село, а кит отпускает на волю корабли. Вот он наконец свободен и спрашивает Ивана, чем он ему может услужить. Иван просит его достать со дна океана перстень Царь-девицы. Кит посылает осетров обыскать все моря и найти перстень. Наконец после долгих поисков сундучок с перстнем найден, и Иван доставляет его в столицу.

Царь подносит Царь-девице перстень, однако она опять отказывается выходить за него замуж, говоря, что он слишком стар для нее, и предлагает ему средство, при помощи которого ему удастся помолодеть: нужно поставить три больших котла: один — с холодной водой, другой — с горячей, а третий — с кипящим молоком — и искупаться по очереди во всех трех котлах. Царь опять зовет Ивана и требует, чтобы он первым все это проделал. Конек-Горбунок и тут обещает Ивану свою помощь: он махнет хвостом, макнет мордой в котлы, два раза на Ивана прыснет, громко свистнет — а уж после этого Иван может прыгать даже в кипяток. Иван все так и делает — и становится писанным красавцем. Увидев это, царь тоже прыгает в кипящее молоко, но с другим результатом: «бух в котел — и там сварился». Народ тут же признает Царь-девицу своей царицей, а она берет за руку преобразившегося Ивана и ведет его под венец. Народ приветствует царя с царицей, а во дворце гремит свадебный пир.

Окончив университет, Ершов вернулся из Петербурга в Сибирь, на свою родину, и там прожил всю жизнь. Много лет он был учителем гимназии города Тобольска. Ершов горячо любил свой суровый край, изучал его и хорошо знал.

Кроме «Конька-горбунка», он написал еще несколько произведений, но они сейчас уже забыты. А «Конек-горбунок», появившись больше ста лет назад, по-прежнему остается одной из любимых сказок.

Свое самое известное произведение Пётр Павлович Ершов написал, вдохновлённый творчеством Александра Сергеевича Пушкина. «Конёк-горбунок» был опубликован, когда автору едва минуло 19 лет. «Конёк-горбунок» выпущен издательством по инициативе Олега Анофриева. Олег Андреевич виртуозно - ярко и легко - прочитал сказку от лица всех её персонажей. Энергетику чтеца необходимо было поддерживать соответствующим музыкальным оформлением. Четыре композитора трудились над созданием оригинальной музыки. Переписывали уже практически готовый саундтрек, стараясь придать сказке большую эмоциональность. В итоге музыка гармонично и современно отражает настроение любимого многими произведения.

Говорят, сказка «Конёк-горбунок» приносит счастье. Автора - скромного студента Петербургского университета Петра Ершова - она сделала известным издателям, которые ещё при жизни Петра Павловича выпускали книгу более 10 раз, и она принесла деньги, кинорежиссёру Александру Роу - славу. Олег Анофриев утверждает, что получил огромное удовольствие, озвучивая сказку, которой, к слову, в следующем году исполнится 170 лет. Кажется, запасы счастья у «Конька-горбунка» неисчерпаемы.

5класс. Курдюмова

Пейзажная лирика в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова

Что ищет он в краю далеком,

Что кинул он в краю родном.

В стихотворениях Пушкина "Осень" мы видим разнообразные картины: зимние праздники, охота помещиков, от которой страдают земли крестьян, катание на коньках и многое другое. Здесь он размышляет и о положении поэта в годы крепостничества в России. Александр Сергеевич из всех других времен года отдавал предпочтение осени: "из годовых времен, я рад лишь ей одной". Живописными, красочными цветами он описывает осенний пейзаж: "прекрасное природы увяданье", "в багрец и золото одетые леса". Читая его стихотворения о природе, которые наполнены волшебными звуками, мы невольно видим, представляем себе великолепные просторы русской природы.

Природа в поэзии М.Ю. Лермонтова свободная, романтическая стихия. В своих стихах он как бы переключается с разными природными явлениями. Для него ветер в небесах, нечто могучее и сильное.

Шуми, шуми же, ветер в ночи,

Играй свободно в небесах

И освежи мне грудь и очи.

Лермонтовскому лирическому герою приходится вступать в единоборство с природой, и это борьба равных сил. В его ранней лирике преобладают экзотические картины Кавказа, его любимого края. Он создает в стихотворении "Утро на Кавказе" романтический пейзаж, описывая звезды, луну, туман, тучи, облака.

Светает - вьется дикой пеленою

Вокруг лесистых гор туман ночной...

Для Пушкина природа - это родной дом, в котором он скрывается от надоевших ему проблем, где он отдыхает от суеты жизни. В стихотворении "Деревня" он говорит: "Я здесь от суетных оков освобожденный, учуся в истине блаженство находить". У Лермонтова же природа предстает в облики могучего, сильного существа, но в стихотворении "Утро на Кавказе" появляется и сентиментальное описание пейзажа.

Вот на скале новорожденный луч

Зародился вдруг, прорезавшись меж туч,

И розовый по речке и шатрам

Разлился блеск, и светит там и там.

Поэзия этих двух великих поэтов очень различна, хотя Михаил Юрьевич и является продолжателем пушкинских творений, но он творил в эпоху формирования периода жестокого режима николаевской реакции; а Пушкин во времена революционного подъема и веры в прекрасные идеалы свободы и равенства всех людей. Поэзия Лермонтова глубоко трагична, она полна разочарований в жизни. В творчестве Александра Сергеевича, мы находим для себя много тех вещей, которые близки нам, его творчество учит нас жизни, воспитывает в нас добрые чувства, говорит о любви. Пейзажная лирика в стихотворениях этих поэтов является основным направлением их произведений, они ощущали себя детьми природы, которая являлась вдохновением на творчество.